

Владимир Великий

18+

Чужое Небо

Владимир Великий

Чужое небо

«Автор»

2015

Великий В.

Чужое небо / В. Великий — «Автор», 2015

«Чужое небо» — своеобразная исповедь автора о сложной, порою драматической жизни простого паренька из глухой сибирской деревни. Судьба не раз проверяла юношу на прочность, тяжело переживал он и трагическую гибель девушки, которая была его первой любовью. И после этого его практически на каждом шагу преследуют неудачи и разочарования. Ее величество Любовь приходит к нему уже в довольно зрелом возрасте. Он сразу влюбляется в двух женщин, и они отвечают ему взаимностью. Почему и как это произошло, читатель узнает, прочитав поистине захватывающий роман. Светлой памяти моих родителей посвящаю эту книгу: Коза (Яшиной) Марии Николаевне, Коза Владимиру Михайловичу.

© Великий В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	19
Глава 3.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Великий

Чужое небо

Глава 1.

Первая любовь

В один из сентябрьских дней в глухой сибирской деревеньке в семье Ивановых появился мальчик. Своим криком он селян не испугал и не обрадовал, за исключением своих родителей и бабушки Елизаветы, принимавшей роды у молодухи. Появлению мальчика отец новорожденного очень радовался. Для ухода за домашней живностью и ведения хозяйства нужны были мужики. Как назвать первенца у молодых супругов разногласий не было, мнение было единое. Во всех городах и деревнях самой большой страны мира имя вождя мировой революции было самым популярным среди мужских имен. За этот год в Чапаевке родилось тридцать два ребенка, тринадцать мальчиков нарекли Владимирами. Пять девочек стали Сталинами. На радость старшему Иванову председатель сельского совета очень прилежно выводил имя его первенца. Он сначала это имя на черновике пару раз написал, дабы не допустить ошибок в свидетельстве о рождении нового гражданина СССР. Пожилой мужчина тепло поздравил молодого отца и затем со слезами на глазах произнес:

— Володя, от себя лично и от районного комитета партии поздравляю тебя с сыном...

Слегка всхлипнув, он восторженным голосом добавил:

— Завтра поеду с отчетом в районный центр... Доложу честь по чести как мои земляки увековечивают вождя мировой революции...

По дороге домой родитель ударился в размышления. Он был старшим из четырех братьев, ему первому предстояло привести в дом девушку. Какую невесту иметь и когда ее иметь, для сына определил его отец. Михаил отличался суровым нравом, жил по своим законам, многие деревенские его очень боялись. Боялся отца и Владимир, он за свои двадцать лет ни разу его не ослушался. И в этот летний вечер, когда управился со скотиной, он беспрекословно запрыгнул в телегу. Узнав по дороге, что его везут к невесте, он мгновенно покраснел. Он все еще терялся в догадках, кого избрал отец ему в жены. Через некоторое время они подъехали к небольшому дому, стоявшему на окраине деревни. Сразу же чувствовалось отсутствие хозяина. Строение из дерева было ветхое, с подгнившими углами. Ворота, как таковые отсутствовали вообще. Вместо них была протянута металлическая цепь, висевшая между двумя небольшими столбами. Требовала капитального ремонта и крыша, выложенная из дерна. Мужчины неспеша покинули телегу и также неспеша подошли ко двору. Из глубины двора раздался лай собаки. Затем он тотчас же прекратился. Собака, скорее всего, была крепко привязана на цепь или страшно обленилась, не хотела докучать своим присутствием очередной приход односельчан. Несмотря на это, мужчины на всякий случай себя подстраховали. Они остановились и по очереди стали окликать хозяев.

Вскоре перед ними появилась женщина. Ивановы прекрасно знали Лизу Лузину и ее дочь Марию. Муж Лизы в самом начале войны был направлен в составе сибирских полков на защиту Москвы. Уже через месяц молодая солдатка получила коротенькую записку с передовой, затем писем от не стало. Она очень переживала. Она почти каждый день ходила в контору, надеясь получить весточку или треугольный конверт из простой бумаги. Ничего не было, не было и похоронки. Не появился муж и после залпов Победы. Оставшиеся в живых фронтовики успокаивали молодую не то вдову, не то солдатку, и говорили:

— Не плачь, Лизонька, твой все равно вернется, возможно попал в плен... Не исключено и то, что он за границей добил фашистов и там строит социализм...

Елизавете от этого лучше не становилось. Тяготы послевоенного лихолетья, двое детей, хозяйство требовали физического и нервного напряжения. Ее руки до всего не доходили, не было ни сил, ни времени. Хозяйка, увидев старшего Иванова с сыном, тепло их поприветствовала, затем недоверчиво посмотрела на односельчан. Михаил, несколько грузный мужчина с седыми висками, застенчиво улыбнулся и еле слышно выдавил из себя:

— Знаешь, Лизонька, зачем мы пришли?

Средних лет женщина, не ожидая ничего сверхестественного от Ивановых, улыбнулась и загадочно произнесла:

— Нет, не знаю... Мне все еще неизвестно, чем я обязана моим землякам в этот поздний вечер...

— Она слегка покачала головой и впиалась глазами в того, кто что-то затеял, как ей казалось, против нее или дочери. Что именно она еще не знала.

Неосведомленность солдатки или вдовы прибавила Михаилу смелости. Он слегка приподнялся на носках хромовых сапог, затем наклонился в сторону рано поседевшей женщины и изрек:

— Лиза, выдавай свою дочь за моего Володьку, он у меня парень скромный, работающий, при всем при этом и не пьющий...

Для хозяйки такой ход гостя был неожиданным. Она мгновенно покраснела, невольно поправила рукой платок на голове. Некоторое время молчала. Не знала, что ответить и как вести себя дальше. Предложение Иванова старшего ее в прямом смысле ошарашило. Отдышавшись, она еле слышно прошептала:

— Михаил, как же так ты быстро, без всяких встреч... Надо же делать все по-людски... Да и у детей об этом надобно спросить...

Разумное рассуждение опешившей женщины не остановило Михаила. Он продолжал настаивать на своем:

— Лизавета, я знаю твою дочь... Она работящая, красавица и не баловница. Да и не без ума, это далеко не последнее дело в нашей жизни...

Неизвестно как долго продолжалось сватовство, но неожиданно появилась Мария. Владимир заметил женскую фигурку еще раньше, когда подъезжали к дому Лузиных. Девушка что-то полола на грядках в палисаднике. Отсутствие матери и ленивое тявканье собаки вынудили ее выйти из палисадника, искать причину происшедшего. Выйдя за ограду, она неожиданно увидела Ивановых. Они жили на другом конце деревни. С дядей Мишей она вообще контактов не имела. С его сыном она училась. Совместное пребывание в школе их даже не сблизило. Володя был на год ее старше, на один класс он шел впереди. Занятия проводились в небольшом полуразвалившемся доме. Одна часть дома была отведена под контору, другая под школу. Старая школа сгорела. Причиной пожара было неосторожное обращение с керосиновой лампой. После окончания начальной школы они потеряли друг друга из виду. Причиной этому был не только крестьянский уклад жизни, но и они сами. Сын работал с отцом наравне. Пас совхозных коров, заготавливал дрова, помогал по хозяйству. В сельский клуб ходил он очень редко. Не ходила в культурно-просветительное учреждение и Лузина младшая. Она ходила с матерью на ферму, поила маленьких телят. Хватало ей работы и по дому.

В этот же вечер молодые люди встретились совершенно случайно. Они не обманывали себя. За время разлуки никто из них по-настоящему не думал друг о друге, не говоря уже о каком-то сватовстве. Юноша слегка покраснел и стал очень пристально разглядывать сельчанку. Из некогда незаметной девчухи Маша превратилась в стройную и красивую девушку. Серьезное лицо, карие глаза с длинными ресницами, толстая коса из черных волос, откинута

за спину, загорелые руки — все это говорило о ее скромности и порядочности. Внезапно его окликнули. Он повернулся в сторону и увидел отца, который без всяких обиняков его спросил:

— Ну, сынок, хорошую я тебе жену нашел? Мигом бери ее и сади в телегу, вези домой...

Владимир от прямого выпада отца густо покраснел, по его телу потекли струйки пота. Честно говоря, он сейчас в душе не ругал родителя за его откровенность. Лично сам он всегда сторонился девушек, поэтому никакого опыта по обращению с ними не имел. От слов дяди Миши Маша также густо покраснела, затем засмеялась и стремительно забежала в избу. Жених вскоре успокоился и пошел по улице в другой конец деревни. Шел он очень медленно. Ему сейчас было не по себе. Ему было стыдно и обидно за то, что сватовство получилось наперекос. Он то и дело скрипел зубами и обеими руками смахивал со своих глаз слезы...

Иванов старший домой приехал через час, приехал с веселым настроением. Дело, по его словам, двинулось с места. Елизавета обещала поговорить с дочерью. Сын молча слушал своего отца и почему-то кисло улыбался. К Новому году молодые люди сыграли небольшую свадьбу, вечеринку. Для роскошного пира не было ни условий, ни возможностей. Хозяйство одинокой женщины приходило в упадок. Это прекрасно понимала и ее дочь. К концу лета с помощью селян молодая семья построила для себя дом из березовых бревен, справила новоселье...

Появление первенца чету Ивановых обрадовало. К сожалению, были и слезы. Ребенок часто болел. Кроме простудных заболеваний его одолевала золотуха. Мария часто колдовала возле младенца. От переживаний часто плакала. Врача в деревне не было, до райцентра надо было добираться железной дорогой или ехать на лошадях. На поездку не было ни времени, ни денег. Она была вынуждена обращаться к бабкам-врачевателям или к знакомым. По их советам делала различные настои из трав, смачивала ими лицо малыша. После дюжины процедур болезнь отступила.

Вскоре в деревню вернулся и муж Елизаветы Лузиной, отец Марии — Николай. Он ушел на фронт в июле 1941 года, вернулся через пять лет после окончания войны. Его появление для большинства жителей Чапаевки, да и для жены было очень неожиданным. Это было равносильно грому в зимний день. Чего греха таить, многие уже мысленно похоронили земляка. Верили в его возвращение, да и то не все, только на вечеринках, завсегдатаями которых были фронтовики. Надев на себя военную форму и боевые награды, они рассказывали всевозможные перипетии военных действий. Доходило до военных операций стратегических размеров, в которых они не только принимали участие, но и даже ими руководили. Это «случалось», как правило, во время перепоя. Не верила в чудо и Лиза, она за эти годы проплакала не одну ночь.

Николай Лузин пришел поздним вечером, деревня уже спала. С замиранием сердца он постучал в окно родного дома, никто не отозвался, стукнул еще раз. Вскоре увидел, как в комнате зажегся свет. Он вновь постучал, через некоторое время дверь открылась. Муж и жена, несмотря на полутьму, узнали друг друга. Десятилетие суровых испытаний не вытравили у них взаимного чувства любви и уважения...

На следующее утро глухая деревня встрепенулась, с новой силой ожили воспоминания о войне. Практически все от мала до велика пришли к ветхому дому бывшей вдовы, бывшей солдатки. Хозяйка была самой счастливой и самой красивой среди всех. Глаза ее блестели от радости. Она носилась, как козочка. Лицо симпатичной женщины, испещренное не по времени глубокими морщинами, как бы сняло с себя оболочку грусти и многолетних переживаний. Лиза цвела, как пробившийся из-под снега первый подснежник, поворачивая свои лепестки к лучам с каждым часом все ярче светящему солнцу — мужу.

Встреча фронтовика удалась на славу. Пир был всеобщий, радость также была общей. Каждый принес на общий стол все то, что было: мясо, картофель, самогон, брагу. Приготовлением пищи занимались женщины. Мужчины вперемешку с подростками обсуждали в очередной раз военные баталии. Виновник неожиданного торжества к удивлению многих на вопросы отвечал предельно сжато и сухо. Удивляло селян и то, что у него не было наград. Это было

и не столь важным. Главное, судачили сельчане, пришел земляк, пришел живой. В Чапаевке появилась еще одна мужская сила, которой так не хватало.

Судьба же распорядилась по-иному. Николай пришел тяжело больным. Для сельчан история его болезни и многолетних походов оказалась неведомой. И после его смерти все и вся осталось за семью печатями. Умер он также своеобразно. В этот день передавали сообщение о смерти И. В. Сталина, вождя мирового пролетариата. Полный трагизма голос из радиотарелки, висящей на стене, перечислил многочисленные заслуги коммунистического лидера перед СССР, миром. Худой мужчина слушал сообщение, сидя на табуретке. Неожиданно у него набежали слезы, глаза заволокло туманом. После окончания сообщения он вышел из дома и пошел в близлежащий березовый окол. Жена нашла мужа только через два часа. Он стоял по колено в снегу и обнимал березку. Мужчина с впалыми щеками плакал, плакал навзрыд. Лузин скончался через два дня после смерти вождя народов. Перед тем, как уйти в иной мир, он позвал жену и со слезами на глазах тихо произнес:

— Лизонька, прости меня, грешного... Я чувствую, что для меня пришел конец земной жизни. Бог зовет меня к себе, зовет настойчиво...

Затем громко задышал и с тоской в голосе промолвил:

— Лиза... Мне настала пора тебе все рассказать, поделиться святой правдой о моей жизни...

Жена в ответ ничего не ответила. Она только сильнее сжала худые руки некогда сильного мужчины и тихонько всхлипывала, когда он рассказывал ей историю своего длительного отсутствия.

Почти год Лузин был на передовой, воевал героически. Затем попал в окружение к немцам. В плену прошел все пытки. Его склоняли к предательству, обещали вкусную еду. Он не изменил своей Родине. День Победы сибиряк встретил в Бухенвальде, немецко-фашистском концлагере близ Веймара. Чувство неописуемой радости вскоре затмила печаль. Свои устроили для него настоящую экзекуцию: требовали документы, спрашивали почему попал в плен, почему не погиб в бою. Потом его отправили на Дальний Восток валить лес. Нечеловеческие условия подорвали здоровье Лузина. Он уже не мог ходить на работу, конвоиры считали его симулянт, часто избивали. В конце концов они поняли, что мужчина почти двухметрового роста действительно болен. Его направили на медицинскую комиссию. Врач, осмотрев штрафника, с издевкой прошипел сквозь зубы:

— Ну, великан, тебе с твоими легкими осталось жить чуть больше комара. Я тебе честно говорю, через мои руки и глаза сотни подобных прошло... Они уже давно на том свете...

«Мертвец» на заключение опытного специалиста не среагировал, он со своей судьбой уже давно согласился. Одно он хотел перед смертью сделать — увидеть жену и детей. Минувло почти десять лет, как он покинул родную Чапаевку. В его душе еще теплилась надежда выжить, но майор медицинской службы оказался прав. Его организм давал сбои. Николай до войны был самым сильным парнем в округе. В памяти многих сельчан остался эпизод, когда он на спор ударом кулака сбил лошадь. Бедняжка не ожидала такого удара и еще долго лежала на земле, так и не поняв, что с ней произошло. Вся деревня хоронила фронтовика, почти все плакали. На поминках говорили только хорошее о покойнике, и сетовали на то, что Бог рано забрал к себе такого прекрасного земляка и человека.

Внук умершего, Владимир, наоборот, делал только свои первые шаги по земле. 50-е годы XX столетия для деревни, как и для всей страны, были тяжелыми. Советский Союз, оправившись от ран войны, постепенно восстанавливал народное хозяйство. Вносили свой вклад в общенародное дело и жители маленькой деревни Чапаевка. Особенно тяжело было во время уборки урожая. Все от мала до велика находились на току, обрабатывали зерно. Лентяев и прогульщиков не было. Ивановы своего первенца видели очень редко, они практически не имели свободного времени. Муж работал на ферме бригадиром, жена доила коров или ухаживала за

телятами. Сынишка почти все время был под присмотром бабушки Лизы, матери Марии. Он пропадал у нее почти весь день, там же кушал. Часто и ночевал.

Володе с учебой с самого начала не повезло. В первый класс он со своими сверстниками не пошел. Причина была довольно редкостная, не было валенок... для наступающей зимы. Мало того. Он родился в конце сентября, для местных чиновников это означало — не положено. Учеба Иванову давалась очень легко. В классе, в котором было 19 человек, царила деловая и дружеская обстановка. Спокойствие определяла Мария Николаевна Шилова, она была на редкость строгой учительницей. Мальчики, их было на одного больше, чем девочек, сидели по одному с девочками. Шалуны и непоседы были посажены на первые парты. Лучшее место из всех досталось Мишке, сыну лесника, его посадили за последнюю парту. Шилова сделала это специально, учла жизненный опыт его отца. Старший Сериков никогда не выделялся особым буйством как по-трезвому, так и во время вечеринок. Каждый в деревне знал, что он за свою жизнь никого не обидел. Кое-кто даже с иронией говорил:

— Леснику больше достается от комаров, чем им от него...

Мишка, конечно, был очень доволен своим «распределением». Он сидел один, как король, и с независимым видом созерцал за происходящим в классе. Радость наставницы за своего подопечного оказалась преждевременной. Причиной этому стала новенькая девочка Рая, казашка. Она пришла в класс после зимних каникул. Волей-неволей ее пришлось садить к «королю». Едва учительница представила классу новенькую, Сериков принялся рассматривать свою соседку. Он с большим интересом разглядывал обилие всевозможных копеек, которые висели на шее девочки не то на нитках, не то на цепочках. Он, честно говоря, не мог разобратся что и почему. Он попытался тронуть рукой одну из монеток. Рая так на него посмотрела, что от затеи ему пришлось отказаться. На перемене все малыши обступили новенькую, кто был посмелее, задавал ей вопросы. Казашке это все нравилось, она охотно отвечала на вопросы своих новых друзей. Только ее сосед по парте стоял в стороне и был равнодушен ко всему.

Прозвенел звонок. Сериков на этот раз впереди всех бросился в класс. Через некоторое время на задней парте раздался крик, послышалась какая-то возня и не то храп, не то вопли. Через пару минут в класс вошла учительница. Вскоре стала известна суть происшедшего. Оказалось, что Мишка первый рванул в класс для совершения «злодеяния». Он незаметно взял чернильницу и поставил ее на сидение парты, куда без всякой опаски опустилась Рая. От чего-то острого девочка вскочила и вскрикнула, затем заплакала. Она сразу определила виновника и с кулаками набросилась на него. Проказник такой прыти от новенькой не ожидал и стал защищаться. Бой он начисто проиграл. В казашке было столько силы и ненависти к обидчику, что он в миг оказался на полу. Его голова то и дело осыпалась тумачами. Мальчик в ответ на это махал руками и тихо сопел. В таком состоянии парочку застала учительница. Драчуны при виде ее быстро вскочили, они были очень раскрасневшимися и запыхавшимися. Итог побоища оказался явно не в пользу Мишки. Он не только проиграл, но и нанес соседке материальный ущерб. Во время драки он умудрился порвать цепочку, на которой были прикреплены монетки, и они рассыпались. Вскоре он ползал по полу и собирал монетки. Нашел все, за исключением одной. Ему на помощь пришли другие ребята, но она как сквозь землю провалилась. Ее продолжили искать во время перемены и после занятий, не нашли. Скорее всего, она провалилась сквозь щели старого, уже разошедшегося деревянного пола.

На следующий день Сериков пришел в школу в сопровождении отца, они сразу же направились в кабинет директора. О чем или о ком взрослые говорили, известно было только одному виновнику драки. Мишка пришел в класс только на второй урок и вновь сел за свою парту. Лицо его было красным и очень серьезным. Несмотря на его «понимание», Шилова сделала организационные выводы. Она пересадила бывшего тихоню на первую парту. Мало того. К Серикову младшему на все школьные годы, да и на всю жизнь, прицепилась кличка «Мишка

– потерянная копейка» или просто «Копейка». Это прозвище передавалось из года в год, из поколения в поколение. Кое-кто его называл и по-иному: «Копейка, пятак, рубль».

Школьные годы день за день шли своей чередой. Малыши становились более взрослыми, перед ними раскрывались очередные горизонты в познании природы, человеческого общества. Педагоги, несмотря на примитивную материальную базу, сами изыскивали возможности для пополнения знаний своих подопечных. В пятом классе новая классная руководительница Нина Алексеевна Сорокина организовала литературный кружок. Дети собирались два раза в неделю, после занятий. Сделав домашние задания, и оказав помощь родителям по хозяйству, они вновь шли в школу. Отличник учебы Иванов был постоянным посетителем кружка, несмотря на трескучие морозы и вечернюю темноту. Ему очень нравилось слушать голос молодой красивой девушки, читающей книгу. Свет керосиновой лампы падал на ее густые каштановые волосы, и это делало ее еще красивее и божественнее. Она читала под тихое потрескивание дров в печке, которая стояла в самом углу класса. Никто из слушателей не дремал, каждый сопереживал вместе с героями книг. Как правило, расходились тогда, когда в трехлинейке, так называлась керосиновая лампа, затухающий фитиль своеобразно вспыхивал, предупреждая, что керосин уже на исходе. Несмотря на «солидный» возраст, ребята считали своим долгом проводить свою учительницу к ее дому. После этого каждый мчался домой, родители переживали за своих чад. Иногда быстрому передвижению способствовал трескучий мороз.

Несмотря на сложности всей жизни, детство Владимира Иванова и его сверстников было в основе беспечным. Детвора под предводительством старшеклассников играла в разные игры, частенько проказничала. Первым признаком наступившей весны для них были игры: в лапту, в волейбол, в футбол. Многие из ребят занимались посильным физическим трудом. Они брали на себя значительную часть ведения домашнего хозяйства: помогали в заготовке сена, дров, картофеля, управлялись со скотиной. И это нельзя было не делать, почти все родители работали. Основное место работы для взрослых — животноводческая ферма или машинно-тракторная станция. Тяжелый физический труд, суровые климатические условия негативным образом сказывались на здоровье сельчан. Многие из них уходили в иной мир, не дожив до пенсии.

Закончив восьмилетнюю школу в родной Чапаевке, Иванов переступил порог средней школы в близлежащем селе Петровка. Каждый день был наполнен учебой и не только этим. Многие из старшеклассников, еще сидя за школьной партой, находили свою любовь, нередко и единственную, до конца своей жизни. Кое-кто из них влюблялся в своих наставников. Образ любимой учительницы или учителя остался в памяти навсегда, служил эталоном красоты, справедливости, женственности или силы. Подобное испытали девятиклассники, когда к ним в класс вошла молоденькая учительница Лидия Петровна Сычева. Она сразу же всем приглянулась. Ребята зашушукались, заработало и «женское» радио. Вскоре нашелся и «жених» для очаровательной красавицы. Петька Лесков на первом же классном собрании вручил своей «невесте» пачку вафлей. Девушка с улыбкой взяла подарок и поделилась им со своими учениками. Жених непонятно почему сильно покраснел и сел за парту. В том, что взрослый мальчишка по уши влюбился в свою учительницу, никто из ребят уже не сомневался. Он сильно переживал, узнав о том, что его любимая стала женой учителя математики Валерия Крота. Весь десятый класс был на свадьбе, не было только Петьки...

Нашел свою первую любовь и Владимир Иванов. В этот день он, как обычно, вошел в класс и сел на свое место на самой последней парте. И вдруг он увидел за партой, стоящей возле печки, новую ученицу. Она была худенькая и стройная. Лицо ее было красивое: прямой лоб, нос немного вздернут, тонкие брови. Большие карие глаза говорили об ее уме и кротости, а еще больше о женской нежности. Ее густые русые волосы были сплетены в большую косу, а челка спадала на лоб. Все шесть уроков он разглядывал новенькую и нередко вздыхал. Он не сомневался, что его вздохи были для девушки нипочем. Она очень внимательно смотрела на классную доску или изредка о чем-то шепталась со своей соседкой.

За два года совместной учебы влюбленный паренек каких-либо тесных контактов с Машей Дергуновой не имел, за исключением лишь коротких разговоров или реплик, касающихся повседневной жизни. После школы он шел домой и тяжело переживал. По ночам его мучили всевозможные кошмары. Утром он давал себе слово, что сегодня же объясниться девушке в любви. Проходил первый урок, затем второй, третий... И опять все оставалось без изменений. За месяц до нового года страдалец решился написать любимой письмо. Его содержание долго и тщательно обдумывал. В итоге на листе из ученической тетради он очень старательно написал всего три слова: «Я люблю тебя». Послание оставил без фамилии. Надеялся на то, что она «вычислит» его по почерку. Ночью он долго не мог заснуть, опять строил планы. Отдать письмо девушке на следующий день у него не хватило смелости. Не отдал он его и через неделю. До праздничного бала оставалось все меньше и меньше времени. Владимир не находил себе места, ему ничего не хотелось делать. Два чувства ежеминутно боролись в его душе: первое — порвать письмо, а другое — отдать послание лично в руки Маши и сказать все то, что он о ней думал. Не исключал он и резервный вариант — положить письмо в карман ее пальто.

В Новогодний вечер в раздевалке было как никогда многолюдно. В актовом зале школы пришли не только учащиеся, но и те, кто раньше в ней учился. Пришли и незнакомые, кое-кто из них был изрядно подвыпившими. После поздравления директора школы начались танцы. Дергунова для всех парней была нарасхват. Она никому не отказывала. Она с улыбкой, а то и с большим вниманием, слушала своего очередного партнера. Иванов стоял в сторонке и с грустью наблюдал за происходящим. Поведение любимой девушки его сильно задевало. Он ненавидел себя, что был деревенским «колуном», по-настоящему не умел танцевать. Он смотрел из толпы зевак на стройную фигурку любимой девушки и невольно краснел. И опять давал себе слово. Он подойдет к ней и пригласит ее на танец. И, как прежде, опять ничего не происходило и не изменялось. Молодой человек стоял, и слегка набычившись, глядел на танцующие парочки. Его ноги почему-то не двигались. Время неумолимо бежало. В конце концов он решил использовать резервный вариант. Уловив подходящий момент, когда в раздевалке никого не было, он быстро вытащил записку, сложенную в треугольник, и сунул ее в боковой карман темного цвета пальто девушки. Затем, долго не раздумывая, он схватил свою куртку и, одевшись на ходу, быстро вышел из школы. Веселье продолжалось...

Владимир некоторое время прогуливался по заснеженным дорожкам школьного двора. Раздумывал, что ему делать дальше. Затем он подошел снаружи к одному из окон актового зала и внимательно окинул взглядом танцующих. К его удивлению, Маши среди них не было. От обилия догадок и домыслов ему стало не по себе. От безысходности хотелось напиться и никогда не просыпаться. Он тяжело вздохнул и пошел прочь. Возле парадного крыльца школы он встретил двух одноклассников, они уже были «на парах». Один из них, который был выше своего напарника и без пальто, улыбнулся и слегка заплетающимся голос произнес:

— Волоха, подходи к нашему костру... Промочи горлышко, а то может вообще никогда не увидимся...

Иванов утвердительно кивнул головой, подошел к ребятам. По очереди обнял каждого. Появившееся желание «раздавить пузырек» на троих, он вскоре отбросил. Ему было не до спиртного, не до веселья. Он тепло простился и тотчас же покинул школьный двор. Домой, на квартиру к супружеской чете Силкиных, где он снимал угол, идти ему не хотелось. Он стал бродить по улицам. Петровка еще не спала, во всех домах, за редким исключением, горел свет. Сельчане встречали Новый год. Высокому юноше с грустным выражением лица, сейчас было не до земных дел. Он все думал о своей любимой девушке, о том, где она сейчас и с кем она вышла из школы. Он решил подойти к дому, где Маша и ее подруга снимали комнату.

К деревянной постройке, она стояла неподалеку от столовой, он подходил, как рысь. Подходил очень осторожно, словно не хотел спугнуть парочку влюбленных. Неожиданно повалил густой снег, вся шоссейка тотчас же покрылась белым одеялом. Хлопья на какое-то время стал

союзником одинокого пешехода. Его шагов не стало слышно, как это было пару минут назад. Сначала он подошел к столовой. Возле крыльца никого не было. Несмотря на снегопад, на улице стало холодать. Иванов съезжился, набросил на голову капюшон и пару раз в быстром темпе обошел столовую. Немного согрелся. Затем с замиранием сердца направился к дому. Почти на цыпочках он сначала подошел к ограде, посмотрел через щель в деревянных воротах и чуть не остолбенел. В двух шагах от крыльца, наружного настила перед входной дверью дома, он освещался небольшой электрической лампой, входа в дом, стояла его любимая и незнакомый ему парень. Он, скорее всего, был пьяный. Коротышка что-то громко девушке объяснял, иногда обнимал ее за плечи. Маша в ответ ему ничего не говорила, лишь тихо смеялась. Боялась разбудить свою хозяйку, одинокую престарелую женщину. Владимир скрипнул зубами, сжал кулаки. На какой-то миг ему хотелось открыть калитку и зверем наброситься на своего врага. Затем его растерзать или даже проглотить живьем. Лишь потом обнять свою любимую Машу и крепко ее поцеловать. Прошло несколько мгновений. Молодой человек почему-то стоял и не двигался. Мысли о расправе у него также улетучились. Между тем разговор молодой парочки во дворе продолжался и продолжался. И это все больше и больше Владимира угнетало. Он осторожно развернулся и медленно побрел в сторону шоссе. По его щекам катились слезы. Утром он встал на лыжи и направился в Чапаевку. Впереди были зимние каникулы...

Две недели отдыха для влюбленного были настоящей каторгой, проверкой его чувств к девушке. Хоть как-то разгрузиться от плохих мыслей, он делал все возможное для их избавления. По утрам делал зарядку с гантелями и резинкой. Занимался до изнеможения, иногда от усталости падал. Затем он умывался, шел управляться со скотиной. В первые три дня за огородом и возле дома он расколол все старые чурбаны, которые лежали почти пять лет. У молодого человека получалось все и вся, однако болело его сердце, ныла его душа. Не спасал его от тоски и небольшой телевизор, родители купили его перед самым новым годом. В деревенский клуб он не ходил, не было настроения. В какой-то мере его спасало чтение книг и журналов, которые он брал у своего дяди. Родители смотрели на сына и не могли понять его душевного состояния. Особенно тяжело переживала Мария, его мать. Однажды во время обеда она со слезами на глазах спросила сына:

— Володя, ты заболел или какие-то есть проблемы? Скажи нам с отцом, возможно, чем-то мы тебе поможем...

Юноша очень внимательно посмотрел на мать, улыбнулся и тихо произнес:

— Нет, мама, у меня все нормально... Никому из вас не надо переживать... Я сам в состоянии все решить...

Затем он вышел из-за стола и выбежал во двор. Его душили слезы.

Вторую неделю каникул Иванов младший посвятил охоте. Несмотря на то, что он стрелял совсем неплохо, охота не была его увлечением или хобби. Он ходил просто так, хотел побыть в лесу и посмотреть на зверей. Убивать диких животных, даже зайцев ему было страшно жалко. Они были по-своему глупы и умны, по-своему красивые. В разговорах с односельчанами, которые часто хвастались, что убили нескольких косых, ему становилось иногда не по себе. Ему частенько казалось, что сидящий перед ним заяц, есть образ какого-то человека, а может, даже и предок, умерший несколько десятилетий назад. От деревни Владимир уходил километров за десять, иногда и дальше. Красота зимнего леса его очаровывала. Лучи солнца блестели на ослепительно белом полотне, от этих лучей снег весь искрился. Свежий воздух, наполненный зимней прохладой и тишиной березового леса, приятно кружил ему голову. От быстрой ходьбы на лыжах становилось тепло, тело почти мгновенно согревалось. Лыжные палки он с собой не брал, без них чувствовал себя намного свободнее. Его общение с природой и животным миром отличалось разнообразием. Он подходил к небольшим кустарникам, на которых были пушистые копы снега, заряжал старенькую одностволку отца и стрелял в воздух. Иванов не сомневался, что где-то под кустом сидел косой, который после выстрела сразу же или несколько

позже пускался наутек. Чутье молодого охотника, как правило, не подводило. После выстрела выбегали один или два зайца, и мчались, словно угорелые, в близлежащие кусты или березовые околки. Нередко во время прогулки юноша совершенствовал навыки стрельбы. Мишенью были одинокие березы, стоявшие посреди поляны или на развилке дорог. К сожалению, и в лесу, изобилующим причудами сибирской зимы, ему все было в тягость. Он постоянно думал о девушке, которую увидел каких-то три месяца назад, и не мог забыть ни на миг ее образ, ее смех...

Наступил первый день очередной, зимней четверти. Иванов пришел в школу, как обычно, за пять минут до звонка. Неспеша вошел в класс, всех поприветствовал, сел за парту, разложил учебники, тетрадь для занятий. Посмотрел на парту возле печки, Маши не было... Первый урок и все последующие влюбленный юноша терялся в догадках по поводу отсутствия любимой девушки. Узнал он о причинах ее отсутствия только после занятий, в столовой. Его одноклассница Маша Зимина сообщила, что Дергунова сильно простыла и заболела. Водитель колесного трактора был в стельку пьян и не мог отвезти школьников на центральную усадьбу совхоза. Старшеклассники пошли пешком. На улице было почти тридцать градусов холода. У Маши ночью поднялась температура, утром ее увезли в районную больницу. Все девушки из класса навестили больную. Из десяти ребят только трое это сделали. Иванов в тройку не вошел...

Через две недели Дергунова вновь пришла в школу. Она вошла в класс, как всегда, незаметно, кротко и смиренно. Иванов пристально наблюдал за ней и любовался. В его любимой девушке все было прекрасно: и лицо, и волосы, и одежда. Красивый свитер коричневого цвета с рисунком, из-под которого виднелась белая кофточка, коротенькая юбка черного цвета, черные легкие валенки — все это очень подходило к стройной фигурке взрослой школьницы. Ему хотелось целовать каждую частицу ее нежного тела. От сладостных мыслей ему стало стыдно, он покраснел и отвел свой взгляд в сторону. За время занятий он немного остыл, но мысль о письме, которое он положил в карман пальто Дергуновой, все больше и больше его преследовала. Он выдумывал разные истории: Маша его нечаянно выронила или читала и не обратила внимание. Наверняка, любовные письма без фамилий и с фамилиями красивой девушке писали и пишут. Не только одноклассники, но и ребята из всей округи. При этом мысли юноша тяжело вздохнул и слегка сжал зубы. Перед ним невольно всплыл образ пьяного парня, обнимавшего его любимую девушку...

Время шло своим чередом. Наступила весна, пришло лето. Июнь месяц для девятиклассников был особенным. Они проходили производственную практику в лагере труда и отдыха, он находился в сосновом бору в трех километрах от центральной усадьбы совхоза. Старшеклассники занимались прополкой свеклы, подсолнухов и капусты. Наиболее популярным занятием в свободное время был футбол. Этот вид спорта была самым популярным и среди жителей деревни. И на этот раз спортивный праздник удался. Болельщики пришли не только из Петровки, но и со всей округи. Встреча началась в семь часов вечера, играли школьники из трудового лагеря и совхозная молодежь. В первом тайме счет не был открыт. Во время перерыва к команде девятиклассников подошел начальник лагеря Иван Яковлевич Смоличев и внес существенные коррективы по организации игры. Затем полушутя-полусерьезно он добавил:

— Ребята, если победите — получите приз — ящик вафель... Я вам, как начальник и тренер это твердо обещаю...

В ответ футболисты громко засмеялись, мало кто верил в обещания учителя истории. Зрителей на стадионе становилось все больше и больше. Иванов бросил взгляд на небольшую группу своих болельщиц, Машу он заметил сразу. Она была в белой косынке, в спортивном костюме и, наверное, также мечтала о победе своих ребят. На какое мгновение глаза юноши и девушки встретились, и тотчас же разминулись. Владимир опустил голову вниз, сильно приуныл. Он нисколько не сомневался, что его любимая девушка на него внимания не обратила. Безразличие к собственной персоне сильно задело его самолюбие. Первая половина второго

тайма никому из команд не принесла успеха. Все могло решиться только в самом конце игры. И это произошло на самом деле так. Было забито два гола, забил их Иванов, который и даже не мечтал быть местным Пеле. Он, находясь возле штрафной площадки противника, неожиданно получил пас от долговязого Юрки Чиглякова, и не раздумывая, ударил по мячу. Мяч скакнул вверх, затем тихо ударился об землю и очень медленно покатился в ворота. Вратарь был застигнут врасплох, он, скорее всего, не ожидал такого гола, не говоря уже о какой-либо футбольной виртуозности малоизвестного парня из соседней деревни. После долгожданного гола игра у старшекласников «пошла». Они заиграли свободнее, без нервов. У противника же начались срывы. Во время очередной атаки Иванов получил точный пас и рванулся к воротам противника. И тотчас же он почувствовал жгучую боль в правой ноге... Он невольно остановился, присел на землю. Вскоре за его спиной раздался свисток судьи, он уверенно назначил штрафной удар. Босоногая малышня в один миг столпилась возле ворот совхозной команды. Пострадавший поднял руку, он решил сам пробить одиннадцатиметровый. Никто из ребят его команды не стал это оспаривать. Владимир пробил очень удачно. Вратарь от бессилия упал и застучал кулаками по земле. Снайпер же поднял обе руки кверху. Победа!

После душа победители переоделись и направились в столовую, где их ждал торжественный ужин. Начальник лагеря под аплодисменты присутствующих вручил победителям ящик вафель. Болельщицы получили в качестве приза ящик лимонада. Рано утром прозвучал пионерский горн. Начался новый день, очередные радости и огорчения.

После успешной сдачи школьных экзаменов Иванов прошел медицинскую комиссию и поступил в Омское высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе. Первое сентября было торжественным днем для училища, и не только для него. Возле трибуны собрались сотни родителей и знакомых, представители общественности города. Звучали торжественные марши духового военного оркестра, перед курсантами выступил начальник училища. Генерал поздравил всех с новым учебным годом, особое внимание уделил тем, кто несколько часов назад надел военную форму. У курсанта Владимира Иванова, как и у его товарищей, было прекрасное настроение. Перед ним открывалась возможность для большой карьеры, он строил планы. Но, увы... Жизнь распорядилась иначе.

Через две недели он получил телеграмму из Чапаевки, что его родители погибли в автомобильной катастрофе. Небольшой листок бумаги принес ему командир взвода. Молодой лейтенант был сильно взволнован, ему было больно и тяжело сообщать страшную весть своему подчиненному. Иванов был ошеломлен страшной информацией, до этого момента его родители были живы и здоровы. Он всегда их уважал, делал все возможное для того, чтобы они меньше переживали. Буквально через час после памятного построения на плацу он отправил письмо в деревню, информировал мать и отца об успешной сдаче экзаменов и о зачислении курсантом. Ждал ответа, хотя и не очень быстрого. Письмо от областного центра до глухой деревни могло идти неделю, а то и больше. Позвонить и сообщить радостную весть о своем поступлении он не мог, в деревне не было телефона. Он ждал из родного села любой информации, только не о смерти родителей. Он дрожащими руками взял телеграмму из рук офицера, содержание ее прочитать не мог. Слезы капали из его глаз, в горле стоял ком, дышать становилось все трудней и трудней. Он выбежал из казармы и вскоре оказался в сосновом бору, расположенном неподалеку от училища. Он упал на землю и заплакал навзрыд, затем стал руками рвать траву. Он то и дело спрашивал Бога, за что он так жестоко наказал его родителей. Они погибли очень молодыми, каждому из них еще не было и сорока лет. Супругов Ивановых хоронили все от мала до велика. Владимир и Мария были трудолюбивыми, честными и порядочными людьми. Таких в Чапаевке было большинство.

В училище круглый сирота Иванов вернулся через две недели. Занятия в аудиториях, на тактических полях, общение с коллегами, не могли отвлечь его от недавно постигшего горя. Он не мог войти в привычную колею напряженной жизни военных людей. Он довольно часто

хандрил, не готовился к занятиям. У некогда способного юноши появились двойки, он их тут же исправлял, затем получал вновь. Он все больше и больше замыкался в себе, днем и ночью впадал в тяжкие раздумья. Он искал опору в своей жизни. И эта опора, как ему казалось, уже была у него, была только в мечтах. Этой опорой была Маша Дергунова, его одноклассница, которой он за два года совместной учебы даже и десятка предложений не сказал. После выпускного бала прошло почти полгода, за это время он ни разу с ней не встретился, ни разу не написал. Незаметно подошли зимние каникулы...

Февральская погода встретила отпускника не очень дружелюбно, термометр в Омске зашкаливал за отметку 30-35С мороза. Горожане то и дело прятали свои носы в куртки и полушубки. Курсант не терял попусту драгоценного времени в поисках любимой, каждый день отпуска для него был на вес золота. Он обошел почти все институты и техникумы областного центра, Мария Дергунова там не училась. Не помогли ему и справочные службы миллионного города. Он поехал в деревню Окуневка, где жили ее родители. Отец и мать Маши, люди пенсионного возраста, непристеливо встретили молодого человека. Иванова это очень беспокоило, он все терялся в догадках столь холодного приема. Возможно, пожилым людям не нравилась его военная форма, а может, были и другие причины. Хозяин очень внимательно всматривался в глаза военного, прежде чем пригласил его к себе в дом. Он представлял собой небольшое строение с перекошенными окнами, кое-где с подгнившими углами. Обстановка внутри была очень простой. В спальне стояли две панцирные кровати, возле стены между ними стоял комод. В гостиной, она же была кухней, а также и столовой стояли кровать, стол и несколько стульев. После того, как Иванов еще раз представился и объяснил цель своего визита, у хозяев появились слезы. Прошло порядка пяти минут, прежде чем они успокоились. Первым заговорил мужчина. Он с большим трудом выдавил из себя несколько предложений. Из его слов курсант понял, что Маша живет во Владивостоке и приезжать домой не собирается. Дальнейшее поведение пожилых людей незванного гостя вообще шокировало. Едва муж закрыл рот, как жена соскочила с дивана и с кулаками набросилась на военного. Затем громко запричитала:

— Ради Бога, оставьте нас в покое... Мне уже тошно от всех этих расспросов...

Закатив глаза и подняв руки кверху, она истерично продолжила:

— О-о-о, Боже мой, покарай этих извергов, которые не даю мне спокойно жить... Боже, покарай их...

Иванов не стал больше докучать вопросами Дергуновых. Он холодно простился и вышел вон. Некоторое время он бродил по улице. Раздумывал о случившемся. Потом зашел в магазин, в полустгнившее деревянное строение. Оно чем-то напоминало собой сельский амбар. Курсант бегло пробежал глазами по полкам. Кроме сгущенки, пряников и яблочного сока, да нескольких буханок хлеба он ничего съестного не увидел. Начавшийся голод вынудил его купить банку сгущенного молока и килограмм сухих пряников. Выйдя из магазина, он посмотрел на часы. До прихода автобуса было порядка десяти часов. Он тяжело вздохнул и вновь стал бродить по деревне. Она состояла из одной очень длинной улицы, идущей до самого озера. В самом центре Окуневки находился клуб, контора и магазин. Мороз на улице все крепчал и крепчал. Дабы основательно не замерзнуть, молодой человек в военной форме делал пробежки. На какое-то время ему удавалось согреться, он иногда снимал с себя шапку и вытирал носовым платком влажные волосы. Сибирский мороз его не страшил. Он все думал, что же на самое деле произошло в семье Дергуновых. Он все еще не верил, что пожилые люди могли просто так наругать незнакомому человеку, да еще с погонами. Иванов решил искать другие источники информации. Вскоре ему это сделать удалось. Проходя по улице (в какой уже раз!), он неожиданно увидел возле клуба мальчика. На вид ему было лет десять, не больше. Сразу же было видно, что он слонялся без дела, лишь бы провести свое время. Знакомству с военным подросток сильно обрадовался. Вскоре он без всякого стеснения рассказал ему не только о себе, но и о своих родителях. Кое-чем поделился и из жизни своих односельчан. Иванов не

торопился со своим наболевшим вопросом. Мало того. Он сделал небольшой презент мальчишке. По-дружески поделился с ним своей покупкой. Толя от гостинцев не отказался и сразу же принялся уплетать за обе щеки пряники. С банкой сгущенки возникли трудности. Ни у кого из мужчин ножа не оказалось, что на какой-то момент остановило «чаепитие» на крепком морозе. Сначала курсант хотел послать мальчишку за ножом домой, он жил на самом конце деревни. Вскоре от этой идеи Владимир сам же отказался, а вдруг малыш больше не придет, и всей информации конец. Он не хотел стучаться в двери или в окна полузамерзших домов и донимать сельчан вопросами, содержание которых через пару часов станет достоянием всей деревни, а того и всего района. Ему ничего не оставалось делать, как предложить новому знакомому целую банку сгущенки. Мальчишка улыбнулся и быстро спрятал ее за пазуху. Улыбнулся и военный. Он уже не сомневался, что друг созрел для очень важного вопроса. Он с некоторым придыханием в голосе произнес:

— Толя, а что ты можешь сказать о Маше Дергуновой... Она ведь живет в Окуневке?

Мальчишка на секунду замер. Вопрос для него был несколько неожиданный. В деревне все знали о горе Дергуновых. До этого его никто об этом не спрашивал. Он слегка отпрянул, затем приподнял голову, хотел лучше видеть лицо курсанта. Изможденное лицо нового знакомого не приостановило желание Толи Горбунова рассказать ему все по порядку и без всякой тайны. Он улыбнулся и с несколько смурным видом ответил:

— О Машке вся Окуневка знает... Она жила через три дома от меня... Сейчас ее нет...

Информация школьника для человека, одетого в военную форму, была столь убийственной, что ему на какие-то секунды стало не по себе. У Иванова был не то обморок, не то паралич мозга и тела, или что-то другое. Его глаза стали влажными, ослабли руки и ноги, по спине прошел мороз. Малыш, конечно, всего этого не заметил. Он также и не сопереживал, когда рассказывал трагическую историю, которая перевернула всю жизнь военного.

По словам Толи Гордеева, Маша была самой красивой девушкой в селе. Ее красота не давала покоя не только юношам, но и мужчинам постарше. Многие из них заглядывались на нее без всяких умыслов. Хотели лишний раз посмотреть на юное и красивое создание природы, да и вспомнить свою молодость. К сожалению, нашелся среди них и подонок. Им оказался чужой, мужчина из Омска. Его имя и фамилию мальчишка не знал. Городской приезжал в Окуневку на легковой машине, для сельчан мотоцикл с коляской был диковинкой, не говоря уже о большем. Какими судьбами занесло толстяка в деревню Толя точно не знал. Одни говорили, что он водил дружбу с учителем труда местной школы, другие утверждали, что он приезжал в эти края на охоту...

Однажды в пятницу вечером мужчина случайно или специально оказался у железнодорожного разъезда. Из электрички, следующей из областного центра, повыскакивало несколько парней и девушек. За ними из села никто не приехал. Водитель легковушки напросился подвезти женщин, в числе оных оказалась и Маша. О чем болтали в пути три молодые девушки и пожилой мужчина никто не знал. Несколько позже жители Окуневки заметили одно: дочь Дергуновых домой каждую пятницу приезжала на машине. Молодой информатор при этом высказал свое личное мнение. Незнакомый дядька был начальником, для него все мужчины с большими животами были начальниками. По деревне стали разное судачить о красавице. Кое-кто называл ее проституткой, были и те, кто плевал ей вслед, когда она шла по улице в магазин или в кино. Все делалось незаметно — исподтишка.

Маша Дергунова, студентка сельскохозяйственного института по своей наивности и неопытности ухаживания Ивана Ивановича Петушкова считала простыми случайностями. Не больше и не меньше. Она училась на агронома, вся отдавалась учебе. Как и всем студентам первокурсникам, ей было нелегко. Жила она в общежитии, на какие-либо вечеринки или мероприятия не ходила. Для этого у нее не было ни времени, ни денег. Не докучал ей и новый знакомый. По возрасту она годилась ему в дочери. Ему было очень приятно видеть улыбки

смазливой молодой особы, когда она благодарила его за провоз на машине или за какие-либо сладости. Ночью потаенный кавалер долго не мог заснуть, мечтал о красивой и целомудренной девушке...

Наступил последний день уходящего года. Петушков приехал в общежитие и пригласил Машу вместе с ним встретить Новый год. Она сначала наотрез отказалась, но позже изменила свое решение. Она была не против поболтать со своим знакомым, но только вместе со своей подругой по комнате. На том и остановились. Старый повеса за девушками приехал точно в установленное время, за два часа до Нового года. Жил он в однокомнатной квартире. Обстановка в ней была очень скромной. Стояла кровать, диван и телевизор. Студентки сначала пригорюнились, они не ожидали увидеть такие «хоромы» у владельца новенькой «Волги». Вскоре о нищенском убранстве квартиры они забыли, когда увидели шикарно накрытый стол. От множества вкусного потекли слюнки. Для жительниц села основное меню в недалеком прошлом и в настоящем составлял картофель, молоко, мясо, да и то не у всех. Изобилие съестного для них показалось верхом возможного. Коньяк, шампанское, лимонад, всевозможные конфеты, рыба, мясные блюда их околдовали. Хозяин квартиры торжествовал и с умилением смотрел на Машу, которая впервые в своей жизни прикоснулась к столь дорогим спиртным напиткам и яствам. Через некоторое время у нее стала кружиться голова, она уже ничего не понимала и не воспринимала. Проснувшись она только утром, открыла глаза и стала соображать, где она и как здесь оказалась. На длительные раздумья времени у нее не было, она обещала родителям быть к обеду в Окуневке. Она встала с постели и ее сердце тревожно екнуло. Она почувствовала, что с ней случилось что-то ужасное, порочащее ее, как девушку. Она присела на диван, стала ждать Петушкова и свою подругу. Вскоре раздался стук. Дверь тотчас же открылась и в комнату вошла довольно пожилая женщина. Она посмотрела по сторонам и еле слышно прошепелявила:

— Ванечка, просил уголочек только до двенадцати дня... Занимать денег я ему больше не буду...

Увидев слезы на глазах красивой незнакомки, бабка в том же духе продолжила:

— Он, стервец, убежал, как немец под Москвой... Убежал и даже мне спасибо не сказал...

Затем она подошла к телевизору и смахнула ладонью толстый слой пыли. Слегка покачала головой и сквозь редколесье желтых зубов процедила:

— Ну, а ты, краля молодая, давай чеши отсюда, пока я милицию не вызвала...

После этих слов хозяйки юная красавица заплакала навзрыд. Она только сейчас поняла, в какую западню попала, какую злую шутку с ней сыграл ее знакомый. Ее попытка найти Петушкова не увенчалась успехом. Подруга по комнате также была не в силах ей помочь. В тот несчастный новогодний вечер к Татьяне «клеился» друг Ивана Ивановича, он приглашал ее к себе домой. Уже на улице девушка поняла, что ее может ожидать и дала деру.

Дергунова оказалась в отчаянном положении, она делала все возможное и невозможное для сокрытия случившегося. Она прекрасно понимала, что в противном случае пресс комсомольских организаций вынудит ее покинуть институт. В милицию она не обратилась, знала, что все это бесполезно. Мало того. Она все еще надеялась на лучшее, но оно не пришло. Она забеременела. Беременность и подтолкнула несчастную к самоубийству. В один из декабрьских вечеров она домой не приехала. Родители прождали свою дочь до позднего вечера. Они ждали ее ночь и утро. Свою дочь они нашли через день замерзшей в двух метрах от дороги, ведущей в сторону Окуневки. За дело взялась милиция, она ничего подозрительного не обнаружила. Все пришли к единому выводу. Дергунова просто-напросто заблудилась и замерзла.

Узнав о том, что Маша похоронена в деревне, Иванов попросил юного жителя показать ее могилу. Кладбище находилось возле леса. Шли по бездорожью, утопая по колено в снегу. Гордеев не без труда нашел могилу своей односельчанки. Курсант подошел к небольшому снежному бугорку и тяжело вздохнул. Фамилия и инициалы, год рождения любимой девушки, напи-

санные на деревянном кресте, ему до боли в сердце были знакомы. Он опустился на колени и громко заплакал. Неожиданно подул сильный ветер. Тысячи снежинок оказались в воздухе и на какое-то время заслонили пришедших от остального мира. Молодой мужчина в военной форме рыдал и рыдал. Мальчишка же все это время с недоумением смотрел на происходящее, затем незаметно покинул кладбище. Он все еще не понимал, почему военный так сильно страдал по умершей. Он иногда слегка хмыкал и все сильнее прижимал к своей груди неожиданный подарок — банку сгущенного молока...

Возле занесенного снегом холмика Иванов сидел несколько часов. Со стороны можно было подумать, что молодой человек сошел с ума. Причиной этому было его странное поведение. Он то гладил руками небольшой бугорок земли, то целовал холодный крест, то отчаянно крестился. Ему все еще не верилось, что его любимая Машенька ушла в иной мир, ушла навсегда, ушла безвозвратно. Ушедшая для него была его первой любовью, любовью безответной. Он казнил себя за то, что за все эти годы он не набрался мужества сказать ей про свои чувства. Возможно, все было сейчас по-иному. Он плакал и довольно часто просил Бога оживить его любимую. Ему казалось, что она вот-вот проснется и встанет. Он крепко возьмет ее на руки и понесет по Земле, и будет делать все возможное для ее счастья. Но она не вставала...

Над кладбищем начали опускаться вечерние сумерки. Владимир еще раз поцеловал деревянный крест и неспеша покинул кладбище, затем вышел на шоссе. Он шел и шел, не чувствуя ни обжигающего ветра, ни падающих снежинок. Вдруг позади раздался звуковой сигнал машины, путник на него не прореагировал. Водитель машины объехал шедшего и остановился. Из «УАЗа» вышел невысокого роста милиционер, он принял путника за своего сослуживца. Увидев заплаканное лицо курсанта, он с недоумением спросил:

— Земеля, кто тебя обидел? Или у тебя что-то случилось?

Иванов скрипнул зубами и слегка покрутил головой из стороны в сторону. Сержант не стал больше докучать расспросами высокому молодому человеку. Он взял его за руку и посадил в кабину. Мужчины в погонах молчали до самого районного центра Называевск. Возле отделения милиции они тепло попрощались. На железнодорожном вокзале Иванов взял билет до Омска. Вечером он был уже в училище. В казарме никого не было, за исключением суточного наряда. До начала учебы была целая неделя. Он зашел в спальное помещение, снял обмундирование и лег в кровать. Долго не мог заснуть. От пережитого сильно болела голова. За очень короткое время он потерял все, что делало любого человека счастливым на этой Земле. Он лишился любимых родителей и любимой девушки. Он не видел смысла жить дальше, не говоря уже о какой-либо военной карьере. Утро наступило незаметно, он все продолжал лежать в постели и размышлять. К обеду в подразделение пришел командир роты. Иванов решительно постучал в дверь канцелярии. В руках у него было заявление об уходе из училища. Осенью его забрали в армию.

Глава 2.

Армейские испытания

Служить Владимира Иванова направили в Группу советских войск в Германии. О ГДР, как об одной из развитых стран социализма, а также о ГСВГ он уже много слышал и читал. Его путь из Омска в центр Европы был довольно долгим, везли поездом. Он побывал на вокзалах Москвы, Бреста и Дрездена. Он и двое его земляков оказались в небольшом городе Бернбург, расположенном на реке Заале, притоке Эльбы. В нем дислоцировался мотострелковый полк, он находился на окраине города, неподалеку от старой крепости. Территория советского городка была огорожена забором и обнесена колючей проволокой. Первый месяц сибиряк проходил курс молодого бойца, затем новобранцы приняли военную присягу. Иванов ее не принимал, он принял ее еще в стенах военного училища. Для бывшего курсанта первые дни службы больших проблем не приносили. Они начались, как только он попал в третью мотострелковую роту. В ее составе почти семьдесят процентов были выходцы из Кавказа и Средней Азии. Десять молодых солдат, в числе которых была два омича, почти незаметно растворились в общей массе военнослужащих. Иванов, как и его земляк Касаткин, радостно вздохнули, надеялись на то, что «старики» их не достанут. Однако «салаги» жестоко просчитались. Они почти каждый день и ночь выполняли указания тех, кто прослужил чуть-чуть их больше.

Солдатская служба значительно отличалась от курсантской, здесь были свои неписанные законы. Стрельбы, наряды, парко-хозяйственные дни Иванов считал необходимым элементом армейской жизни. Он обо всем этом знал, когда поступал в военное училище, трудности офицерской службы его нисколько не пугали. Ему претило совсем другое, которое ни в одном уставе Советской Армии не прописывалось и не указывалось. Все тяжелые работы в роте ложились на плечи молодых солдат, на полугодков. Они составляли тягловую силу подразделения. Если днем как-то служба пролетала быстро, даже незаметно, в основном определялась уставом, то ночью изобиловала причудами «стариков». Они, как правило, определяли перечень издевательств. Кроме подшивки подворотничков, чистки сапог, «салаги» перед сном чесали им пятки, пели песни, кукарекали, громко кричали, сколько дней или паек масла осталось им съесть до дембеля. Кое-кто из старослужащих доходил до цирковой фантазии, не удосуживался самостоятельно сходить в туалет. Их выносили из спального помещения на руках или просто-напросто вместе с кроватью, как при рабовладельческом строе. «Фараон» гордо восседал и о чем-то радостно мурлыкал себе под нос. В туалете молодые очень осторожно опускали кровать на пол. «Старик» заходил в кабину и опорожнялся, туалетную бумагу ему также подавали.

Не избежал издевательств и Иванов. Он из-за причуд старослужащих сильно злился, ругал себя за то, что не имел мужества противостоять. Своими мыслями он поделился с земляками. Они в ответ молчали или крутили пальцем возле виска. Это означало, что все это бесполезно. Советская армия так жила и живет уже десятки лет. В том, что вся система унижения человеческого достоинства построена на силе и на страхе одного перед другим, Иванов уже нисколько не сомневался. В этом он убедился через месяц. В роте неожиданно появился очередной салага, парень довольно загадочный. На деле он оказался молодым, но ранним. Он был чуть выше среднего роста, с бритой головой, нос был перебит, да и вес был у него приличный, порядка 90 килограммов.

После отбоя, как обычно, молодые получили свое: кто гладил обмундирование, кто стоял у тумбочки за дневального и т.п. Получил свое первое задание и новенький, ему предстояло драить туалет. Через некоторое время исполнители показали результаты своей работы. Из туалетного заведения информации не поступало, не было и самого работника. «Старики» заволновались, послали гонца. Он известил, что в туалете все без изменений. Новенький ничего не

делал, стоял и курил сигарету. Сверхнаглое поведение салаги, оно могло разрушить неуставную систему, которая ковалась десятилетиями, вызвало законное возмущение стариков. Казах Куйманов, как лев, рванулся в туалет. Открыл дверь и остолбенел. Бритоголовый стоял возле окна и спокойно курил. Старик стремительно подбежал и сильно размахнулся, намеревался стукнуть кулаком в зубы ослушника. Вышла осечка, притом большая. Роман, так звали молодого солдата, увернулся и молниеносно врезал казаку в зубы. Куйманов отшатнулся и упал, ударившись головой об оконное стекло. Стекло треснуло, осколки вонзились в затылок поверженного. У него мгновенно прыснула кровь. На шум прибежали «старики», человек десять. Новенького обилие старослужащих нисколько не испугало. Он, наоборот, как исполин перед кучей муравьев, с иронией посмотрел на казаха, державшему руку на затылке, и спокойно произнес:

— Я твоей казахской мордой буду чистить свои сапоги, и не только твоей... Я чихал на тебя, старик... Мне такие гавнюки по одному месту...

Затем он смачно плюнул на пол, повернулся в сторону старослужащих и сквозь зубы процедил:

— Мне такие гавнюки по одному месту...

Потом он неспеша вышел из туалета и скрылся в спальном комнате. Никто из стариков не шелохнулся, не хотели иметь приключений. Неожиданно раздался сильный скрежет, кто-то открывал дверь в противоположном конце коридора. Прибежал дневальный из соседней минометной батареи и проинформировал, что помощник дежурного по части проверяет службу внутреннего наряда. Все мгновенно разбежались. Бросился наутек и Иванов, он почти два часа простоял возле тумбочки. «Старик» в это время играл в карты. Через полчаса офицер ушел. Владимир встал с постели и направился в туалет. Дверь бытовой комнаты была открытой. Старики тщательно «паковали» голову пострадавшего, дабы утром она не попала на глаза офицерам роты. Остаток ночи молодые спали, как убитые. Утром после завтрака командир роты представив новенького. По приказу командира дивизии рядовой Зайцев был переведен в подразделение из спортивной роты. Всем стало понятно, почему так уверенно действовал салага. Он оказался земляком Иванова. Благодаря «крыше» омичей в роте больше уже не трогали. Куйманов и его окружение после случившегося в туалете заигрывали и заискивали перед новоиспеченным стариком. Роман в молодости занимался боксом в одной из секций города Омска. Еще на приемном пункте его завербовали в спортивную роту дивизии. Он долго там не продержался, виной этому была пьянка. Однажды он зашел без сопровождения офицера в немецкий ресторан, напился и стал гонять немцев. Посетители кабака испугались, позвонили в полицию, та — в часть. В итоге боксер оказался на гауптвахте, потом в мотострелковой роте.

К сожалению, «крыша» для омичей оказалась непродолжительной. Их земляка через месяц вновь откомандировали в спортивную роту. Ему предстояло защищать честь гвардейского соединения на первенстве ГСВГ. Для Иванова наступили далеко нелегкие времена. Земляки потерпевшего казаха, а таких оказалось порядка пяти человек, не могли простить ему дружбы с «крышей». Попытка Владимира найти контакт с русскими оказалась безуспешной. Их было около десятка, в основном они уже «стариковали». Бывший курсант все больше и больше убеждался, что русские сплочены значительно слабее, чем земляки других национальностей. «Старики» продолжали искать повод для унижения его достоинства. И такой повод нашелся, все произошло в парко-хозяйственный день. Иванова, стрелка-автоматчика направили в парк боевой техники. Он, справившись с участком работ, что определил ему командир отделения, направился в курилку, немного отдохнуть. Неожиданно его окликнули. Сержант Оганесян, видя то, что его подчиненный закончил работу, дал ему очередной приказ — навести порядок в отделении командира боевой машины пехоты. Солдат свесил ноги в отсек и очутился на дне машины. Вдруг кто-то чем-то тяжелым, скорее всего, это была подошва сапога, ударил его по кисти правой руки, она еще находилась наверху бойницы. Удар был такой сильный, что

хрустнули фаланги пальцев. Руку мгновенно обожгло, будто по ней прошел электрический ток. Владимир, преодолевая боль, вылез из БМП, посмотрел по сторонам. Рядом никого не было. Он тяжело вздохнул. Кто-то из подонков в армейской форме ему мстил, мстил исподтишка. В медицинский пункт он не обратился. Прекрасно знал, что «старики» все равно узнают об его визите. Последуют очередные экзекуции.

Прошло полгода. В третьей мотострелковой роте всевозможные издевательства прекратились, что было полнейшей неожиданностью для молодых. Они сами узнали о причине столь необычного явления. Военный городок ожидал командующего армией. Большой начальник хотел проверить боевую готовность мотострелкового полка, который из-за многочисленных правонарушений получал всевозможные прозвища и клички: китайский, чепэшный, интернациональный и т.п.

Из-за визита генерала переполошилось, в первую очередь, командование части. Зашевелилось и ротное начальство, усилилась индивидуальная работа. Однажды Иванова в канцелярию пригласил заместитель командира роты по политической части. О старшем лейтенанте Коновалове разное судачили. Все знали, что он пришел в армию после окончания гражданского вуза. Офицер расспросил подчиненного о родителях, где и как учился. Откровенного разговора между мужчинами не получилось. Владимир, глядя в глаза начальника, задавал себе один и тот же вопрос: неужели он, как политработник, не знал о ночных издевательствах, о маленьких пирушках «стариков»? О чем шел разговор с замполитом, он никому не рассказал. Позже он узнал, что «старики» всерьез волновались, когда до них дошла информация о посещении им канцелярии замполита. Деды наладили четкую систему слежения за своими офицерами во время их пребывания в казарме. Она действовала без сбоев. Во внутреннем наряде был «свой человек», стукач. Он в случае необходимости информировал старослужащих о любых перемещениях офицеров. После отбоя, когда они уходили домой, перед входом в казарму, как правило, выставлялся молодой солдат. Он бдил по-настоящему, как на войне. Не дай Бог, если он проморгал офицера. Считай — пропал...

Обстановка в мотострелковом полку с каждым днем и ночью «накалялась». Предстоящий визит генерала требовал не только всевозможных бумаг, но и реальных результатов. На полигонах и стрельбищах все грохотало и ухало. Боевая стрельба в составе роты для мотострелка Иванова оказались последней, он и сам не мог об этом предполагать. Подразделение капитана Назарова было уже готово к началу стрельб. Боевые машины пехоты стояли в походном порядке, розданы боеприпасы. Старший начальник неожиданно отдал «отбой», то ли стрельбище не было готово, то ли была другая причина. Ротный командир приказал никому от исходной позиции далеко не отходить. Иванов, воспользовавшись моментом, направился в небольшой лесок, по малой нужде. Неподалеку от дороги он увидел двух «стариков», они сидели на небольшой куче валежника и уплетали солдатскую тушенку. Дембеля на все и вся «забили», ответственная стрельба им была до лампочки. Неожиданно один из них с усмешкой прокричал:

— Ты, салага, почему не приветствуешь гражданских и не машешь им руками? Смотри, береги другую, а то...

Дальше Иванов никого не видел и не слышал. Неожиданный прилив ненависти сделал свое дело. Он мгновенно вытащил из подсумка магазин с полной обоймой, вставил его в автомат, затем передернул затвор и нажал на спусковой крючок. Только Божья сила, сдерживала его от того, чтобы не навести ствол АКМ на подонков. Получилось, как в настоящем боевике. Пули свистели вокруг кучи валежника, кое-где задевали кустарник. Стрельбу слышали офицеры и солдаты. Первым к месту происшествия прибежал замполит роты, от увиденного у него стала дергаться голова. Перед копной валежника, на которой лежали два солдата, в метрах десяти стоял бледный молодой солдат. Он двумя руками держал автомат, из ствола которого струился сизый дымок. Коновалов стоял вначале, как вкопанный, не зная, что и как делать дальше. Затем он стремительно рванулся к копне валежника. К стрелявшему в этот же миг

подбежал командир роты. Капитан пытался выхватить из его рук автомат, но это ему не удавалось. Солдат в силу каких-то причин не отдавал боевое оружие. Только через некоторое время к Иванову пришло осознание того, что он совершил. Слегка шатаясь, он в сопровождении ротного пошел в направлении командного пункта руководителя стрельбы.

Коновалов, подбежав к дембелям, все еще не мог понять: живые ли они или убитые. Обе версии отпали, как только прибежавший фельдшер прощупал пульс солдат. От лежащих исходил неприятный запах человеческого дерьма. Кто из них навалил в штаны, прапорщик не проверил, наверное, ради приличия, или просто не хотел пачкаться. Старики пришли в себя только через полчаса. Тем временем о чрезвычайном происшествии были проинформированы руководитель учений, командир полка и командир дивизии. Стрельбы отложили на два часа. Иванов, как основной виновник ЧП, в срочном порядке был доставлен в кабинет начальника политического отдела соединения. Почти час длилась беседа молодого солдата и седого полковника. Иванову ответил не только на вопросы офицера, но и написал объяснительную записку. Причиной своей неожиданной стрельбы он назвал издевательство старослужащих. К учениям его не допустили, направили в часть. Через два дня его перевели в комендантский взвод при штабе полка. До конца своей службы он работал в строевой части писарем. Заполнял всевозможные документы. То, что его, как основного виновника ЧП, не подвергли аресту или очищению через комсомольские организации, было правильно и закономерно. Запоздалые визиты офицеров полкового звена, соединения дали свои позитивные результаты. В третьей роте была вскрыта «дедовщина». Произошли и кадровые перестановки. «Вонючек» перевели в соседний полк. Замполита роты «сослали» на должность начальника солдатского клуба. Капитан Назаров через месяц заменился в Союз.

Несмотря на периодические визиты воспитателей с большими и малыми звездами, полк продолжало лихорадить. Он выдавал на-гора все новые и новые правонарушения, в том числе и сексуального плана. Преуспевали здесь солдаты, что было закономерным явлением. Отсутствие представительниц прекрасного пола давало о себе знать. «Сексуальное» ЧП произошло буквально через месяц после громкой «стрельбы» Иванова. Произошло оно во второй роте, подразделение находилось этажом ниже, чем третья рота. Героя любовной истории рядового Суленова, казаха по национальности, Иванов близко не знал, хотя часто видел его на построениях. Красотой солдат не отличался, он был маленького роста и с кривыми ногами. Его голова с редкими короткими волосами чем-то напоминала школьный глобус. Сама история произошла на Акенском полигоне в день рождения солдата. Ему исполнилось двадцать лет. Командир роты именинника от выполнения боевых стрельб освободил, поставил дневальным по роте. Как только рота покинула полевой лагерь, Суленов решил по-своему отметить день рождения. Сначала он направился к своему земляку, на кухню. Плотно покушав, он пошел в немецкую деревню, она была почти рядом. Возле дома, стоящему на окраине, он украл велосипед. На нем подъехал к магазину. Для покупки пива и сладостей у солдата не было денег. Он попросил у покупателей. Они охотно ему помогли. Затем с полной сумкой съестного и двумя бутылками пива Суленов оказался в лесу. На маленькой полянке устроил пикничок. После сытой трапезы, благо еще погода была теплая и солнечная, он немного вздремнул. Проснулся, захотел пива. Он вновь подъехал к дому на окраине деревни, постучал в дверь. Дверь открыла женщина лет 35-ти, стройная, симпатичная, с рыжими волосами. Увидев перед собой советского солдата, она его нисколько не испугалась. Большинство немцев ГДР видели в них друзей и товарищей. Госпожа Тойфель не так давно была в городе Росслау, в Доме офицеров советского гарнизона. Читала свои стихи на русском языке. Она долго обсуждала со своим мужем теплый прием русских. Ей очень понравились русские матрешки, солдатский подарок. И солдат также перед ней не растерялся, он приложил руку к пилотке и решительно вошел в дом. Немецкого языка Суленов не знал, но немка все его жесты понимала. Она его накормила, налила рюмку коньяка, предоставила ванну. Все должно было закончиться так, как происходило раньше на встречах

и банкетах. Все улыбались и поднимали тост за вечную и нерушимую дружбы между ГДР и СССР... Сейчас же произошла осечка. Суленов захотел красивую женщину «поймать». Его желание хозяйка категорически отмела, несмотря на его физические попытки склонить ее к сожительству. Не помог солдату и штык-нож от знаменитого автомата Калашникова. Хайда оказалась далеко не из робкого десятка, она выбежала из дома, закрыла дверь на замок и позвонила по телефону-автомату в полицию. Стражи порядка приехали почти мгновенно и надели наручники на пьяного солдата. К вечеру неудачный кавалер уже находился в родном полку на гауптвахте.

Через неделю в мотострелковом полку произошло очередное подобное чрезвычайное происшествие. На этой раз не упустил возможность побывать «на свободе» и пообщаться с немками сержант Никодимов из автомобильной роты. Перемахнуть через забор большого труда для него не стоило. Жилые дома немцев находились в двух десятках метров от шлакоблочных плит. Самовольщик вошел в одну из квартир, в ней проживала одинокая немка, ей было лет за семьдесят. Верзила почти двухметрового роста изнасиловал старушку. Она позвонила в полицию. Стали разбираться. На следующий день «китайцы» были построены на строевом плацу, порядка двух тысяч человек. Немку привезли на коляске. Она все еще не отошла от насильника. Сопровождала ее целая свита военных. В ее составе были: командир и замполит части, комсомолец полка, двое полицейских. Майор Гульков, отвечающий за политико-моральное состояние личного состава, на этот раз был в роли рикши. Он останавливал коляску с потрепавшей перед каждой шеренгой солдат и офицеров и на ломаном немецком языке что-то ей объяснял. Почти двухчасовое путешествие старой немки по строевому плацу не дало позитивного результата. Она, несмотря на все старания, не нашла своего насильника. Это было и невозможно сделать. Одинаковая форма одежды, подавляющая схожесть физиономий солдат на нет сводила усилия старухи. История закончилась ничем, ее исход был выгоден для командования части. Очередное ЧП не вошло в копилку полка, хотя все это могло закончиться очень плачевно. Информация о подобных чрезвычайных происшествиях моментально доходила до правительства ГДР. Берлин информировал Москву.

Наступил последний год службы, дембельский год. Владимир Иванов поразительно преобразился. Он не только поправился и раздался в плечах, но и стал важной персоной в части. Многие «звездочки» с ним здоровались за ручку, кое-кто из них позволял себе спросить об его личной жизни. Сержант со всеми мило раскланивался, но о субординации не забывал. За время службы он пришел к однозначному выводу. Его недавнее желание стать офицером было жизненной ошибкой. Жизнь людей в погонах была очень тяжелой, иногда даже экстремальной. Судьба многих из них, в том числе и их семей, часто зависела от командира части или старшего политработника. В этом он неоднократно убеждался, когда заполнял офицерам всевозможные требования, документы на проезд, отпускные. Вся армейская демократия определялась наличием серого вещества, которое было в голове старшего начальника. Наличие или отсутствие волос на ней существенной роли не играло. В мотострелковом полку, где служил Иванов, все и вся также определял командир части.

Подполковник Хрякин к «китайцам» прибыл относительно недавно, прибыл из соседней дивизии. От ушедшего на пенсию полковника Марова новенький разительно отличался. Главным его «достоинством» была жадность и самодурство. Через год ему предстояла замена в Советский Союз. Оставшееся время чиновник использовал на всю катушку для личного обогащения. С этой целью использовались солдаты, которые работали на немецких предприятиях. Сколько денег они зарабатывали и куда эти деньги уходили, никто не знал, кроме командира. Кое-кто из офицеров пустил слух, что полковой шеф купил две легковые машины. Одну ему в Саратов отогнал прапорщик, вторую — он сам. Никто иномарок на территории военного городка не видел. Иванов также их не видел. Однако он слышал и видел другое, что не укрепляло авторитет полководца. Почти все дефициты, которые поступали в офицерский магазин

военного городка: ковры, мебель, сервизы и т.п. оседали в квартире Хрякина. Кое-что перепало его заместителям, до младших командиров ничего не доходило. Комиссия, созданная для распределения товаров, бездействовала и молчала о проделках начальника.

Кое-кто из жен офицеров писал или звонил о барских замашках командира полка. Делали это анонимно. Противостоять открыто боялись. Знали какие последствия грозили их мужьям по службе. Начальника боялись все, от мала до велика. От него можно было ожидать не только мата или дисциплинарного взыскания, но и увесистого кулака. Хрякина, наверное, и стоило бояться. Это был высокого роста мужчина, атлетически сложен, с большой лысой головой, с большим горбатым носом, с пудовыми кулаками. К достопримечательностям офицера относились и его кривые ноги. Кривизна особо выделялась еще и потому, что он носил «глаженные» сапоги. За три месяца до замены отец-командир практически отсутствовал в части, занимался покупками. Заводилой в этом деле была его жена, смазливая женщина. Она была его моложе на лет двадцать. Супружеская чета садилась в командирский УАЗ и устраивала своеобразное турне по всей социалистической Германии. Жители военного городка радовались, что начальники улетучивались. Однозначной оценки на самодурство командира у офицеров не было. Кое-кто из них, особенно в период принятия спиртного, даже гордился своим «отцом». У нас мол, еще нормально. Вот в соседнем танковом полку командир в день присвоения ему звания полковника напился и выехал на боевом танке на строевой плац. Потом стал «толкать» речь. Новоиспеченный полковник в этот день умудрился свою новую папаху потерять. Ее украл кто-то из подчиненных...

Замены подполковника Хрякина ждали все, особенно ему неугодные. Торжественная часть его проводов проходила на строевом плацу с соблюдением всех воинских ритуалов. Культурная часть, в полку это называли «пьянкой», состоялась в офицерском кафе. Список приглашенных составляла боевая подруга командира. Встреча старого командира с вновь прибывшим, в силу определенных причин, не состоялась. Все ждали более «цивилизованного», хотя бы более порядочного. Но увы, ожидания и надежды не оправдались.

Нового командира представили через месяц после проводов старого. Это был мужчина 40-45 лет, татарин, невысокого роста, с русской фамилией. Его лицо было почти круглое, с глубоко посаженными глазами, волосы черные, как смола. Военной выправки, как считал сержант Иванов, у него не было. К удивлению обитателей военного городка, майор Симонов не спешил вникать в дела «китайцев». Он ездил на всевозможные инструктажи в соединение или во время службы гулял со своей женой по Бернбургу. Знакомился с достопримечательностями районного центра. Симонов вплотную стал выполнять свои обязанности только через две недели. И начал он довольно круто. Первыми под его «пресс» попали офицеры. По его приказу они сняли с рук обручальные кольца, по ночам стали дежурить в подразделениях. Личному составу было приказано по плацу ходить только строевым шагом, командир это довольно часто контролировал. Он поднимался на свою «правительственную» трибуну и садился на стул. Через несколько мгновений все вокруг громко шлепало и топало, все переходили на строевой шаг.

Преуспел майор и в наведении марафета. По его приказу некогда серые ворота контрольно-пропускного пункта части стали зелеными. По городку поползли разные слухи и толкования. Старожилы и то стали недоумевать и задаваться вопросом: «Зачем КПП перекрашивать, как-никак это компетенция командира соединения, а то и повыше».

Прошло три месяца, как майор Симонов правил «китайцами». Новая метла мела по-новому, но старое оставалось без изменений. Для сержанта Иванова не было удивительным, когда он увидел, что новый «отец» равнодушен к спиртному. Симонов расслаблялся после обеда или под вечер, когда подчиненные ему офицеры не докучали или уходили домой. По делу службы Иванов часто приносил в кабинет командира всевозможные бумаги. Сначала ему было неприятно видеть розовощекого мужчину, от которого исходил сивушный запах. Несколько позже он привык. Ему уже казалось, что запаха и вообще не было. Майор что-то употреблял

для того, чтобы запах исчезал. Выдавало его другое. В состоянии опьянения он ничего разумного не говорил. Несколько лучше у него получалось на трезвую голову, да и то не всегда...

Вскоре пьянство молодого комполка и подвело. ЧП было довольно необычного содержания. Симонов пытался изнасиловать дочь начальника штаба, своего подчиненного. Их кабинеты находились на одном этаже, напротив друг друга. Ира Пятакова заканчивала десятый класс, на вид она была рослой, стройной и красивой. В гарнизоне средней школы не было, детей ездили в Росслау, где находился штаб соединения. Однажды девушка в силу каких-то причин не успела на автобус. Отец, узнав о том, что Симонов ехал на совещание к командиру соединения, попросил его довести свою дочь до школы. Тот охотно согласился.

Школьный автобус вернулся в военный городок в четыре часа дня, как обычно. Иры в нем не было, родители беспокоились. Они стали опрашивать одноклассников, те подтверждали ее присутствие на занятиях. Майор Пятаков позвонил командиру в кабинет, никто к телефону не подошел. Не было его и дома. Симонова прождали целую ночь. Только утром дежурный по КПП доложил начальнику штаба о приезде командира. Отец внезапно исчезнувшей школьницы к проходной прибежал в трусах и увидел ошеломляющую для себя картину. Его любимая и единственная дочь сидела в машине на месте старшего и имела довольно неприглядный вид: ее платье было разорвано, лицо заплакано, от нее пахло спиртным. Не лучшим образом выглядел и командир. Его лицо было в ссадинах, левый глаз затек, изо рта обильно текла слюна. Майор спал, развалившись на заднем сидении. Пятаков поняв, что между командиром и ее дочерью произошло что-то неладное, покраснел, напыжился и мгновенно открыл дверцу водителя. Затем схватил его за шиворот и резко выдернул из кабины. Несколько пуговиц с гимнастерки солдата посыпались на асфальт. Водитель рядовой Осокин сильно трухнул и все выложил, как на духу.

По дороге в Росслау командир все время болтал со школьницей, рассказывал ей анекдоты. Потом предложил ей после окончания совещания заехать в немецкий ресторан и выпить кофе. Ира охотно согласилась. На обратном пути заехали в довольно большой гаштет. Симонов купил сосиски, конфеты, лимонад и пиво. Себе купил небольшой шкалик водки. Солдат от пива отказался, он съел сосиски и выпил бутылку лимонада. Затем вышел на улицу и сел в машину. Командир с девушкой появился через пару часов, он и она были навеселе. В дороге офицер предложил остановиться и немного отдохнуть. От предложения никто не отказался. Солнце, несмотря на приближающийся вечер, продолжало нещадно палить. Для отдыха выбрали полянку, в метрах двадцати-тридцати от дороги. Алкоголь делал свое дело. Командир и девушка под лучами солнца разомлели. Они оба дружно храпели словно паровозы. Водителю созерцать за спящими надоело, и он пошел в небольшой лесок. Его бесцельная прогулка продолжалась недолго. Неожиданно раздался истерический женский крик. Солдат молниеносно рванулся к машине и невольно стал свидетелем непривычной для него картины. Майор, в чем его мать родила, пытался изнасиловать школьницу. Она была почти голой, только лифчик голубого цвета скрывал ее тугие груди. Сначала Осокин растерялся. Насильником был его командир. Оцепенение у него прошло мгновенно. Причиной этому стали душераздирающие крики Иры. Он резко схватил майора за шею и с силой оторвал его от девушки. Офицер упал спиной на землю и с недоумением поднял глаза к небу. Перед ним стоял его водитель, салага. Он зло зыркнул глазами и резко дрыгнул ногой. Удара, как такового, не получилось. Спиртное на нет мужчину ослабило, немало сил ушло и на попытку овладеть девушкой. Он вновь дрыгнул ногой. Через несколько мгновений что-то тяжелое опустилось на его левый глаз...

Вскоре обстановка на полянке разрядилась, стала довольно спокойной. Мужчина с черными смоляными волосами лежал на траве наполовину голый, его задница была прикрыта офицерской рубашкой. Девушка, едва пришла в себя, дико завопила, схватила одежду и стремительно рванулась в лес. Незаметно подошли вечерние сумерки. Солдат, боясь за жизнь молодой девушки, начал кричать, звать ее к себе. На крик она не реагировала, он направился в лес. Пята-

кова сидела на корточках перед деревом и рыдала. Через некоторое время она успокоилась и вместе с солдатом стала обсуждать план дальнейших действий. Однозначно было решено: в машину не садиться, в часть идти пешком, до гарнизона было около пяти километров. Молодые люди шли по обочине дороги, взявшись за руки. Кое-кто из немцев останавливался и предлагал их подвести. Они с улыбкой отказывались. Перед въездом в Бернбург они решили ждать командирскую машину. Боялись огласки, особенно Пятакова. Командир приехал где-то через пять часов, приказал садиться в машину. Вел он себя спокойно, даже нагло, будто ничего и не было. Началось «воспитание». Солдату было приказано молчать, в худшем случае гауптвахта с небольшими перерывами ему будет обеспечена. Определены были рычаги воздействия и на школьницу. Симонов однозначно сказал, что быть или не быть командиром части ее отцу будет решать только он один. И никто другой. Затем он передал управление машиной солдату. Сам уселся на заднее сиденье и тотчас захрапел.

Семейство Пятаковых очень долго совещалось, единого мнения у них сначала не было. Отец пострадавшей хотел чрезвычайное происшествие скрыть. Причина для этого у него была. Во время последнего отпуска он «выбил» для себя местечко в военной академии в Киеве. Супруга также была в восторге от предстоящей возможности спокойно пожить. Сейчас же ее словно подменили. Она взбеленилась, решила постоять за поруганную честь и достоинство своей единственной дочери. Муж в конце концов ей уступил. Дочь под диктовку матери написала петицию военному прокурору и врачу. Все делали по-честному. Синяки и царапины на юном теле дочери родители пересчитали дважды. Солдата во внимание не брали. Гауптвахта ему обеспечена. С начальником, с майором, который уже на должности полковника, было куда сложнее. Пятаков почти час сидел в своей комнате, листал Уставы ВС СССР. Подходящей статьи не находил. Его план по наказанию преступника, согласованный с женой и с дочерью, применение оружия не включал...

Майор Симонов проснулся далеко за полдень. Сначала принял ванну, затем «отметился» у жены в постели. Плотно покушал, опохмелился. После развода караулов он неспеша покинул домашний уголок и направился в служебный кабинет. Делать ему ничего не хотелось. Мягкое кресло и легкий шум вентилятора клонили мужчину ко сну. Неожиданно дверь открылась, и он перед собою увидел начальника штаба, в руке у него был пистолет Макарова. С возгласами: «Сука татарская, убью!» вошедший нацелил пистолет в сидящего. Майор страшно тухнул. От страха у него внизу живота появилось темное пятно. Обмочился. Подчиненный испуг своего начальника чувствовал и видел. Он не стал дальше испытывать свою судьбу. Разрядил всю обойму в стену. Над головой комполка просвистело несколько пуль...

Дневальный по штабу полка, услышав выстрелы, позвонил дежурному по части. Вскоре перед сотнями военнослужащих, они с песнями шли по плацу в направлении солдатской столовой, предстала довольно привлекательная сцена, чем-то напоминавшая советский кинобоевик. Из дежурки выскочил офицер, в одной руке у него был пистолет, на другой — красная повязка. Позади него ускоренным шагом двигалась дюжина караульных с автоматами, снаряженными боевыми патронами. Затем вооруженные люди поднялись на второй этаж, на нем находились кабинеты комполка и его заместителей. Капитан, недавно прибывший из Союза с кадрированной роты, явно был в растерянности. Он впервые заступил дежурным в «китайском» полного состава полку. Первые минуты и уже ЧП! Он то и дело размахивал пистолетом и бегал по коридору. В полулысой голове бедолаги каких-либо разумных мыслей не было. Мало того. Два «старика» из состава караула сильно нервничали. Поставил ли капитан свой пистолет на предохранитель?! Так можно и до дембеля не дожить!

К счастью, все обошлось без жертв и выстрелов. В штабе полка находился начальник секретной части, прапорщик. Он подошел к дежурному и что-то нашептал ему на ухо. Офицер с его доводами согласился. Ни китайских, ни западногерманских диверсантов в штабе не было. Вскоре караульные были выведены из помещения. Капитан и прапорщик стали действовать по

обстановке. Они на цыпочках подошли к кабинету командира, постучали. Никто не отвечал. Открыли дверь. Перед вошедшими предстала поистине анекдотичная картина. Комполка стоял на коленях перед своим подчиненным и плакал. Увидев вошедших, Пятаков махнул рукой, дал понять, чтобы они покинули кабинет. Информация о чрезвычайном происшествии дошла до дивизии, приехал начальник политотдела, последовали визиты других начальников. «Китайцам» было не до боевой подготовки, хотя составлялись расписания, заполнялись журналы боевой и политической подготовки. Разбирательство с комполка длилось около двух месяцев. Закончилось оно по-армейски, как всегда. Симонов остался на месте, Пятакова перевели в соседнюю дивизию, на должность командира полка. Вышестоящая должность была своеобразным авансом для отца пострадавшей.

Сержант Владимир Иванов уволился в конце октября. В родную и далекую Сибирь он летел на самолете, затем ехал поездом. Разные мысли кружились в его голове. Несмотря на серьезные трудности и проблемы армейской жизни, «дембель» считал, что прошедшие два года были прожиты не зря. Советская Армия для него, как и для миллионов простых ребят, явилась серьезным испытанием на выносливость, проверила его как мужчину.

Глава 3.

Поиски места в жизни

За полгода до увольнения Иванов все больше и больше задумывался о предстоящей гражданской жизни, ничего райского он в ней не видел. Иногда ему хотелось остаться в части и пойти в школу прапорщиков. В армии по команде кормили, укладывали спать, неплохо платили. «Гражданка» его пугала. Нередко после отбоя, плотно укрывшись одеялом, он плакал, плакал по своим родителям, по своей первой любви...

Поезд на станцию Омск-Пассажирский прибыл глубокой ночью. Город уже был в крепких объятиях сибирской зимы. Схватив чемодан, сержант быстро соскочил с подножки тамбура и ринулся в здание железнодорожного вокзала. Здесь ему все до боли было знакомо: эти подземные переходы, аптечные и книжные киоски, даже усатый милиционер, ходивший по вокзалу, и тот невольно всплыл в его памяти. Иванов улыбнулся, ему сейчас казалось, что у него за плечами и вовсе не было армейской службы с ее причудами и достоинствами.

Первая электричка, идущая в сторону разъезда Агафоно, отправилась в шесть часов утра, точно по расписанию. Пассажиров было немного, причиной этому было воскресенье и крепкие морозы, они давали о себе знать. Вагон, в котором сидел Иванов, практически не отапливался. Кое-кто жаловался о холоде контролеру, проверяющему билеты, тот обещал помочь. Шло время, электрические батареи были только чуть-чуть теплыми. Сержанта донимал не только холод, но и голод. Он длительное время стеснялся кушать, но его организм требовал своего. Вытащив банку тушенки и хлеб, он принялся за обе щеки уплетать последние съестные запасы. За этим занятием и застал его мужчина, севший в электропоезд на промежуточной станции. Ему было на вид лет пятьдесят, он был серьезный, подтянутый. Некоторое время он сидел возле окна и молчал или читал газету. После того, как военный закончил кушать, он протянул руку и представился:

– Иван Николаевич Лихов, подполковник запаса, он же директор школы. Мне очень интересно было наблюдать за молодым человеком, который одет в форму советского солдата. Я всегда гордился этой формой, она нас многому обязывает. Так ли я говорю, товарищ сержант? – Иванов, почувствовав крепкое рукопожатие незнакомца, привстал и громко отчеканил. – Я с Вами согласен, товарищ подполковник... Я также подумал, что Вы военный человек, их можно сразу определить по физиономии или по походке...

Ответ дембеля рассмешил Лихова. Он еще раз крепко пожал ему руку и по-дружески похлопал по его плечу. Через несколько минут сержант был уже знаком с основными вехами биографии своего собеседника. Лихов прожил сложную жизнь. Его родители погибли в период коллективизации, он до сих пор не знает, где они похоронены. Круглого сироту воспитывала бабушка. Успешно закончил школу и военное училище. Воевать ему не пришлось, но суровые послевоенные испытания прошел. В армии прослужил двадцать пять лет, ушел в запас в звании подполковника. Уже пять лет директор школы. Откровенность отставного офицера подкупила солдата, он пару слов рассказал о прошедшей службе, поделился своими печальями и планами. Лихов после некоторого раздумья предложил ему занять вакантное место учителя физкультуры. Два месяца назад это место занимала девушка. Вскоре она вышла замуж и быстро укатила в областной центр, к мужу.

Предложение директора для Иванова показалось заманчивым, и он утвердительно кивнул головой. Лихов предложил ему сразу же ехать с ним в школу, сержант охотно согласился. На малую родину он намеревался съездить позже, все равно его там никто не ждал. На следующее утро новоиспеченный учитель в военной форме был представлен педагогическому коллективу и школьникам. Директор оказался человеком большой души и настоящим наставни-

ком. Он на своем стареньком «Москвиче» отвез молодого учителя в Чапаевку, посетил могилы его родителей. В первый же день физруку была предоставлена комната в небольшом общежитии при школе. Кроме него здесь жили две молодые учительницы...

Прошло пятнадцать лет. За это время в жизни Владимира Иванова произошли серьезные изменения. Он женился на одной из учительниц. Молодой мужчина почти пять лет холостяковал. Он все еще не мог забыть свою первую любовь к Маше Дергуновой. Память о ней всегда жила в его душе и в его сердце. Его брак с Татьяной был, скорее всего, не по любви, а по необходимости. От скуки иногда становилось дурно, особенно зимой. Супруги детьми на первых порах не обзавелись, потом просто не хотели. Бездетность устраивала как учителя физкультуры, так и учительницу ботаники и рисования.

Наступили 80-е годы. Перестройка дошла и до деревни Акимовки, где Иванов учительствовал. Престиж его профессии падал с каждым днем, мизерную зарплату не выплачивали месяцами. Нищета послужила основной причиной распада, казалось бы, порядочной семьи педагогов. Развод они оформили спокойно и без нервов. Татьяна, недолго думая, поехала к родителям, они жили на Дальнем Востоке. Владимир смирился со своей судьбой, как и со всем тем, что происходило дальше. Из-за отсутствия учеников через полгода закрыли школу, учителя остались без работы.

Школу после ее закрытия сразу же принялись растаскивать, сделать это большого труда не стоило. Очень старая постройка была из камыша, обмазана глиной и побелена известкой. Иванов, заметив воровство односельчан, попытался не допустить разграбления. Он не понимал своих земляков, которые без всякой боли в сердце по-варварски ломали школьный забор. В один из коммунистических субботников пять лет назад они его строили для своих же детей и внуков.

Воры пришли в школу на вторую ночь, как только Иванов по своей инициативе начал сторожить. Время было позднее, где-то около двух часов ночи. В глубине школьного сада он неожиданно услышал скрип тележки. В том, что это была не конная повозка, он нисколько не сомневался. Вскоре скрип прекратился, вокруг стало очень тихо. Успокоился и сторож, он присел на чурбан, который специально взял для важного дела, и закрыл глаза. Страшно хотелось спать, такой режим работы был ему не по душе. Через некоторое время до его уха донесся стук топора, удары были все сильнее и сильнее. Владимир по-кошачьи на цыпочках вышел из-за укрытия, пробежал метров десять в глубину сада и спрятался за кустом смородины. Еще не опавшая листва служила хорошей маскировкой. Скрип и стук были у входа в школьный сад. Даже при тусклом лунном свете он без ошибки определил этих людей. Это была семейная пара, муж и жена, оба пенсионеры, приехали в деревню на пару лет раньше, чем он. Расхитители школьной собственности, увидев учителя физкультуры, сначала несколько опешили, а потом оба навзрыд заплакали. Вещественные доказательства были налицо, добротные ворота школьного сада лежали на двухколесной тележке. Особенно волновался дед. Он то и дело вытирал слезы на глазах и повторял:

– Сынок, мой дорогой, прости меня, прости старика... Я никогда в жизни чужого не брал, да и сына воровству не учил...

Иванов, хоть как-то успокоить пенсионеров, наоборот, все время улыбался и приговаривал:

– Дядя Арсений, тетя Наташа, пожалуйста, успокойтесь, все будет хорошо... Я знаю, что сейчас всем очень трудно. Я никому об этом не скажу, честное слово...

Вскоре семейная пара успокоилась. Мужчины решили закурить. Дед Арсений достал металлическую коробку с табаком и сделал две закрутки, одну для себя, другую для учителя. Иванов, хотя и не курил, но для компании решился. Он сразу почувствовал крепость табака-самосада. Все селяне ходили к деду Арсению за табаком. Он, несмотря на преклонный возраст, частенько пропадал на своих плантациях. У него была специальная табакорезка, в зависимости

от заказов он резал табак кому покрупнее, кому помельче. За свою продукцию денег не брал. Люди видели в деде человека большой души и отвечали тем же. Кое-кто приносил Пастуховым молоко, мясо, некоторые приглашали их на вечеринку.

В ходе беседы Владимир неожиданно для себя узнал, что у стариков есть сын, офицер. Он его никогда в селе не видел. Дед Арсений хвалил своего сына, гордился им, потом неожиданно замолк. У Иванова подступил комок к горлу, когда дед, сдерживая слезы, сказал, что в ходе выполнения интернационального долга в Афганистане, Андрею оторвало обе ноги. Он ничего родителям об этом не писал, боялся их тревожить. Писал, как обычно, что вот-вот приедет к старикам в гости. Просил, чтобы ответ писали на адрес его жены. Старики не вникали во все секреты и премудрости почтовой переписки, да и зачем. Дети живы-здоровы, что еще надо. Так длилось три года. Однажды вечером принесли телеграмму. Невестка извещала, что Андрей тяжело болен и находится дома. Трагическая весть чуть было не скосила наповал родителей. Андрей неделю назад поздравил отца с днем рождения.

Утром Пастуховы уже были возле девятиэтажки. То, что случилось неладное и плохое, они почувствовали сразу. В подъезде и в квартире сына толпились люди в военной форме, кое-кто из них были с протезами рук или ног. Один из них был в инвалидной коляске. Вскоре родители узнали всю правду о своем сыне. Андрей в одном из боев с душманами получил тяжелое ранение, больше года пробыл в госпиталях, перенес десятки операций. Затем наступило нудное и тяжелое пребывание в инвалидной коляске. Еще тяжелее для безногого были укоры и слезы молодой жены. Нагоняли тоску и средства массовой информации. Раньше все и везде трубили об интернациональном долге, потом стали поговаривать о бессмысленности кровопролития в Афганистане. Старший лейтенант в отставке духом не падал. Стиснув зубы, он переносил удары судьбы. Летом ему было значительно проще, приходили друзья, сослуживцы по Афгану. Удавалось ему бывать и на природе. Зима же его убивала. Не придавал ему оптимизма и острый дефицит товаров первой необходимости. Определенные льготы и привилегии для афганцев вызывали озлобление у простых людей.

Чашу терпения у инвалида переполнила измена его жены. Виктория сказала ему об этом прямо и откровенно. Такого унижения Андрей не вынес. Ночью, когда жена была у любовника, он выбросился из окна квартиры седьмого этажа. Только утром прохожие заметили замерзший труп калеки...

Закончив рассказ о сыне, дед Арсений вынул из внутреннего кармана куртки тряпицу и очень осторожно ее развернул. На изможденной старческой руке лежал орден Красной Звезды. Это было все, что осталось в память от единственного сына. Затем он посмотрел на учителя и с гордостью произнес:

– Владимир Владимирович, с этой священной реликвией я пойду в могилу. Сын Андрюшка для меня был самым дорогим на этой земле. Он не был бандитом, не обманывал людей, не прятался за спины солдат... Он был человеком...

Что-либо сказать еще Пастухов старший не мог, его душили слезы. Плакала и его жена.

Владимир на какой-то миг растерялся, его глаза повлажнели. Ему было жалко этих людей, которых действительность заставила воровать, унижаться, терять свою честь и достоинство. Они и сегодня не пошли бы ломать забор, если бы не курьезный случай. Неделию назад в деревню за грибами приезжали городские. К вечеру пошел ливень, дорогу размыло. Неподалеку от дома Пастуховых машина забуксовала. Грибники, недолго думая, сорвали дверь с изгороди, где хрюкала одинокая свинья. Дверь послужила для них вспомогательным материалом для буксующей автомашины. Затем они забросили ее в кузов вместе со свиньей. Полунищих стариков в то время дома не было, они собирали шиповник в лесу. Только поздно вечером они заметили свои пропажи. О том, что произошло в тот вечер, Пастуховым позже рассказали соседские мальчишки, которые были невольными свидетелями наглого воровства.

Два часа прошли незаметно, до рассвета было рукой подать. Старики простились, вскоре раздался скрип пустой тележки. Иванов стоял возле входа в школьный сад и от безысходности плакал. Затем он резко присел, взвалил на плечи дверь и почти бегом ринулся в глубь сада. Догнав пенсионеров, сторож бросил дверь в тележку и повез ее к их дому. От Пастуховых безработный учитель ушел поздно вечером, он отремонтировал им изгородь, лично сам навесил дверь. Прощание почти незнакомых людей было очень трогательным.

Происшедшее со стариками вновь подтолкнуло Иванова к длительным раздумьям. Он принял окончательное и бесповоротное решение уехать из Акимовки. Он не хотел видеть бесправия, нищеты и физического вымирания жителей некогда прекрасного уголка земли. Да и ему самому предстояло найти свое место в обществе. Улучшить материальный и духовный комфорт он надеялся при помощи своего друга по армии. Они когда-то вместе служили в комендантском взводе. Мирошников часто ему писал, приглашал в гости.

Однополчане встретились как настоящие кореша. Они, сидя за столом, поговорили об армии, кое-что рассказали из своей жизни, поболтали о политике. Александр жил неплохо, имел просторный дом, последнюю модель «Жигулей», гараж. В особняке была дорогая мебель, ковры, цветной телевизор, видео. Своим хозяйством Мирошников очень гордился, успехам мужа и отца радовались также его жена и двое детей. После дембеля штабной писарь звезд с неба не хватал. Сначала он был простым рабочим, потом закончил ПТУ, получил специальность слесаря. Денег, как всегда, не хватало.

Однажды полунищий холостяк на танцах разговорился с бывшим одноклассником, который имел неплохие бабки. Юрка пригласил его работать к себе на мясокомбинат, тот охотно согласился. Сашка начинал с рабочего в убойном цехе, сейчас начальник холодильника. Хозяин долго рассказывал другу о специфических особенностях «мясной» жизни. Гостя все это в принципе не интересовало, к мясному производству душа у него не лежала. Он, имея в кармане диплом об окончании института физической культуры, который он закончил заочно, надеялся на лучшее.

Недельное хождение по организациям и учреждениям, которых в небольшом городишке Березовка можно было сосчитать на пальцах одной руки, оптимизма учителю не принесло. Если где-то и была работа, то она была примитивная или грязная. Одно же было общее – нигде не платили. В один из долгих вечеров начавшейся зимы Мирошников предложил своему гостю поработать на мясокомбинате, хоть немного, а там и гляди, подвернется более престижная работа. Иванов «опустился» на землю, согласился. Мясокомбинат находился на окраине города, неподалеку от озера. Новенький сначала работал учеником сепараторщика в жировом цехе. Работа больших физических и умственных способностей от него не требовала, нужно было готовить сепараторы, контролировать их работу, затем их мыть. После трех месяцев ученичества он сдал экзамен на 3-й разряд слесаря и стал работать самостоятельно.

Прошло полгода. Владимир все больше и больше втягивался в работу. Он уже не страшился своего белого халата и шапочки. Научился он выносить и шабашку. Для этого на вещевом рынке он купил офицерский ремень, он был значительно шире обычных. Завернутый в целлофан килограммовый кусок мяса (неофициально разрешенный директором предприятия) под ним лежал очень удобно и не давил на живот несунa.

Между тем в Советском Союзе грянула очередная волна политических потрясений. Политики заговорили о новом витке демократии, о новых экономических отношениях. Радио и телевидение затрезвонило об арендаторах, о тех людях, которым предстояло стать настоящими хозяевами на земле. Кое-какие мысли об аренде полезли и в голову Иванова. В свободное от работы время он стал посещать городскую библиотеку, читал газеты и журналы. Зашел и в сельскохозяйственный техникум, побеседовал с преподавателями по вопросам аренды. Мало того. Узнав о том, что в соседнем районе семья арендаторов добилась высоких результатов по выращиванию молодняка, он поехал туда. Все посмотрел, все расспросил. Мысль стать хозяи-

ном на земле все больше и больше овладевала мужчиной. Время поджимало, на дворе стоял апрель. Посоветовался он с Мирошниковым, тот его затею поддержал, но не очень охотно. «Дембея» за чаркой водки пришли к однозначному выводу, если у Владимира не получится, вернется опять на «шабашку». Вопрос о напарниках исчез через неделю. Составить компанию Иванову согласились двое молодых парней из мясокомбината. «Несуны», нарушив неписаные законы проходной, были уволены с работы.

В начале мая трое мужчин, желающих стать настоящими хозяевами на земле, приехали в совхоз «Социалистическая Сибирь», расположенный в двухстах километрах от Омска. Выбрали совхоз и район неспроста, здесь жили родители Виталия, напарника. Он еще год назад имел разговор с директором о возможности аренды в родном селе. По приезду сразу же пошли к директору. К удивлению первопроходцев, сельский чиновник не испытывал к ним пылкой радости. Только через неделю он пообещал им дать на откорм 150 телят. Определил и пастбище в районе бывшей деревни Николаевки. Арендаторов все это устраивало, рядом с пастбищем находился котлован с водой для водопоя. Тройка мужчин зря время не теряла. За четыре дня они отстроили загон для животных. Стройматериал добывали по-разному: разбирали сгнившие постройки в близлежащих деревнях, часть материалов покупали у сельчан за деньги или за спиртное. Загон был готов, были готовы и бумаги. Договор в 3-х экземплярах, который был подготовлен бригадиром Ивановым, лежал на столе у директора. Безграмотный мужичонка неказистой внешности по фамилии Шарашкин в конце концов подписать его категорически отказался.

Вечером уже бывшие арендаторы обдумывали план своих действий на будущее. Все выглядело неутешительно. Деньги кончились, работы не было. Хотя появилась надежда на приработок. Жителям Кормиловки, где они жили, требовались пастухи. В селе было две больших улицы. Как правило, каждая из них имела своего пастуха. Утром мужчины пошли к управляющему. Худощавый мужчина с курносом носом и веснушчатым лицом с доводами пришел согласился. Одновременно сказал, что, кому пасти и как пасти скотину, селяне решат на общем собрании. Оно состоится в конце мая. Он также посетовал на плохую погоду. Снег валил днем и ночью...

Собрание, к сожалению, на нет разрушило планы несостоявшихся арендаторов. Жители одной, самой длинной улицы села, согласились нанимать пастуха на лето, другая часть деревни отказалась. Крестьяне это объяснили тем, что им просто нечем платить, денег они не держали в руках уже больше года. Они выбрали другой вариант – каждый в отдельности или по группам (2-3 семьи) будут пасти скотину. Многих в этом деле выручали дети, особенно во время летних каникул.

Увидев безысходность положения, напарники Иванова не стали испытывать счастье в селе, они подались в Омск. Скорее всего, они сделали правильный выбор. Им было только за 20 лет, Владимиру – уже за 40. Он первым дал согласие пасти скотину. Дал согласие от безысходности. У него не было ни денег, ни семьи, ни двора.

Пасти скот неподалеку от деревни, как думал молодой пастух, Иванов, ничего не стоило. Оказалось, что это далеко не так. И этому ремеслу надо было учиться. Советы селян пастух не игнорировал, стремился их выполнить. Крестьяне в ответ на это платили добрым отношением и даже заботой. Зная о том, что пастух живет в одиночестве, кое-кто в период выгона скота или дойки совал ему в руки все, чем была еще богата сибирская деревня в период затухающей псевдоперестройки: мясо, молоко, яйца, хлеб. Кое-кто давал и самогонку. Хотя они прекрасно знали, что баба Мотя, у которой он снимал угол, делала самый лучший первач.

Прошел месяц. Иванов уже по-настоящему научился ездить на лошади. Он на первых порах ходил как парализованный: болела задница, от непривычки ныла спина. Пес Матрос стал ему настоящим помощником. Он понимал все команды своего хозяина и был грозой для всех

четвероногих. Особенно для тех, кто щипал траву вдали от общего стада или украдкой бежал на поле, где зеленела пшеница.

В Кормиловке все больше и больше стали говорить о добропорядочности пришедшего пастуха. Иванов благодарил сельчан за теплые слова, нередко улыбался. Во время дойки он отходил от стада на метров двадцать-пятьдесят и садился на переносной стульчик, который ему подарил старик-бобыль. Неподалеку от него паслась кобыла Сивуха. Пес Матрос всегда был рядом с хозяином. Он никогда не забывал о своих обязанностях. Прежде чем тявкнуть или побежать за четвероногим нарушителем порядка, он сначала смотрел на хозяина, ждал его жеста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.